

ОГОНЁК

№ 16 АПРЕЛЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 16 (2389)

14 АПРЕЛЯ 1973

ЗЕМЛЯ БЛ

Б. СМЕРНОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

М

ного веков назад здесь был большой и богатый город — центр земледельческой культуры Анау. Войны и набеги разрушили поселения, пески погребли сложную сеть оросительных каналов. Лишь два насыпных холма да развалины мечети остались в память потомкам...

Туман рассеялся, открылись ровные ряды цветущих садов и большой поселок. Над древними холмами рождался новый день.

— Вот и началась у нас настоящая весна! — говорит Ораз Годиков, главный агроном колхоза имени Махтумкули. — Холода прошли, теперь людям станет полегче. Сады цветут... Вы знаете, — иногда мне кажется, что своими цветами земля благодарит людей за труд, за любовь к ней.

Он прав, этот колхозный романтик, который давно уже сменил кабинет городского работника на труд земледельца, на свежий воздух предгорья Копет-Дага. Наступившая весна была и ранней, и дружной, и коварной: после тепла вдруг навалились морозы. Несколько дней и ночей не уходили колхозники с полей, укрывая и окуривая дымом растения. И теперь, словно соревнуясь в смене красок, цветут урюк и алыча, потом распустится миндаль, сливы. С холма видно, как бело-розовые волны садов тянутся к самым подножиям гор.

— А ведь сады появились у нас недавно, — продолжает Годиков. — Это новый наш председатель Кары Кошаев, бывший знатный овощевод, заразил нас всех своей любовью к садоводству и овощеводству. Дело оказалось выгодным, хозяйство стало рентабельным, богатым. За прошлый год доход колхоза составил миллион триста тысяч, и больше половины его дали нам овощи...

«Большой водой» в колхозе называют новую оросительную систему, которая позволит колхозу значительно расширить хозяйство. Будут новые посевные земли, парники, теплицы, вырастет большой животноводческий комплекс. Теперь у колхоза появились отменные отары — почти девять тысяч голов сараджинской мясо-шерстной породы. Главный агроном говорил о будущем, а вокруг холмов ширился сегодняшний трудовой день с подкормкой озимых, с высадкой рассады и с окотом овец, с прочими такими маленькими и такими важными заботами колхозной жизни. И древняя земля, обласканная весенним солнцем, дарила цветы возродившим ее людям.

Утро в предгорье Копет-Дага.

Председатель Кары Кошаев.

АГОДАРИТ

Во время переговоров в Хельсинки.

Фото специального корреспондента ТАСС Л. Портера.

СЕРДЕЧНОСТЬ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

По приглашению Президента Финляндской Республики Урхо Кекконена Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный с 3 по 7 апреля 1973 года посетил с официальным визитом Финляндию.

Н. В. Подгорный и сопровождающие его лица приняли участие в торжествах, посвященных 25-летию советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Н. В. Подгорный вручил орден Дружбы народов Президенту Финляндской Республики Урхо Кекконену, награжденному за заслуги в развитии и укреплении дружбы между советским и финским народами, большой вклад в дело мира и в связи с 25-летием со дня заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндской Республикой.

Во время визита Н. В. Подгорный имел беседы с Президентом Финляндской Республики У. Кекконеном.

Беседы проходили в атмосфере сердечности и взаимопонимания,

соответствующей дружественным отношениям, которые существуют между двумя странами. Были обсуждены вопросы дальнейшего развития добрососедских отношений между СССР и Финляндией, а также актуальные проблемы современного международного положения.

В ходе бесед Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Финляндской Республики У. Кекконен подтвердили решимость обеих стран продолжать и развивать во взаимных отношениях политическую линию, определенную Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года и направленную на дальнейшее расширение и углубление советско-финляндского сотрудничества во всех областях, на достижение международной разрядки и прочного мира.

От имени Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства Н. В. Подгорный передал Президенту У. Кекконену приглашение посетить Советский Союз с официальным визитом. Приглашение было с благодарностью принято. Сроки визита будут согласованы дополнительно.

6 апреля в президентском дворце состоялась церемония вручения Президенту Финляндской Республики Урхо Калеве Кекконену ордена Дружбы народов.

КОНСТРУКТИВНЫЙ ВКЛАД

Владимир КАТИН

Весна этого года началась новыми миролюбивыми акциями Советского Союза, направленными на дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества между народами, в частности с нашими северными соседями — Финляндией и Швецией.

Укрепление советско-финляндских и советско-шведских отношений представляет собой конкретный пример успешной реализации советской Программы мира, принятой XXIV съездом нашей партии. Объективный факт, что благодаря неустанным заботам Советского Союза дело идет сейчас к тому, что прочный мир в Европе станет реальностью. «Укрепление мира в Европе, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — это очень важный и большой вопрос для судеб всего человечества. Со всей энергией и целеустремленностью мы боремся за то, чтобы Европа, которая долгое время была вулканическим очагом, не могла породить новую войну».

Советский Союз, с одной стороны, и Финляндия и Швеция — с другой, практикой своих добрососедских отношений способствуют превращению европейского континента в зону мира и стабильности. Ведь вклад каждого европейского государства в общее дело мира на континенте совершенно не обязательно должен находиться в зависимости от размеров этой страны или численности ее населения. Очень многое значит накопленный странами опыт в международных делах, их авторитет и особенно последовательность и настойчивость в отстаивании и укреплении дела мира.

Во время пребывания в Финляндии для участия в 25-й годовщине Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи Н. В. Подгорный говорил: «Отмечая основополагающую роль договора для советско-финляндских двусторонних отношений, мы вместе с тем подчеркиваем и его международное значение. Договор, надежно обеспечивая безопасность Финляндии и северо-западных границ СССР, стал важным фактором поддержания стабильности в Северной Европе, укрепления мира на всем европейском континенте».

Так СССР и Финляндия, два разных по социальному устройству государства, сумели построить свои отношения таким образом, что произошел коренной поворот к дружбе и согласию. Ныне народы наших стран обоим испытывают удовлетворение, что советско-финляндские отношения успешно развиваются в политической, научно-технической, культурной и иных областях. Более того, ныне СССР и Финляндия выражают готовность способствовать налаживанию взаимовыгодного сотрудничества уже на широкой, общеевропейской основе с целью полного устранения препятствий и дискриминаций в торгово-экономических делах.

Много общих интересов у Советского Союза и Швеции, которым как государствам-соседям зачастую приходится решать одинаковые или сходные проблемы. Это и вопросы двусторонних связей и задачи, связанные с обстановкой в Европе, в мире в целом. Советский народ питает чувства уважения и дружбы к народу Швеции, которая, кстати, первая из капиталистических стран на практике осуществила принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем путем установления прямых экономических связей с молодой Советской Россией.

Из всего многообразия проблем, касающихся советско-шведского сотрудничества, самой главной Советское правительство считает общую заботу об укреплении мира, о создании условий, позволяющих народам обеих стран посвящать свой труд, свою энергию, все свои возможности делу мирного созидания. Именно этим целям служат наши планы всестороннего развития экономики, этому служат наша Программа мира.

В речи, произнесенной во время пребывания в Стокгольме, А. Н. Косыгин отмечал: «Мы обращаемся с этой программой и к Швеции, которая традиционно придерживается политики нейтралитета. Советский Союз с уважением относится к этой политике Швеции, ставшей одним из факторов стабильности и мира на севере Европы».

Отмечая достигнутые бесспорные успехи в деле разрядки напряженности в Европе, глава Советского правительства напомнил о том, что движение Европы по пути к более прочному миру не идет самотеком. В Советском Союзе прекрасно видят и знают, что противники разрядки не сложили оружия, не сдали позиций. Поэтому Советский Союз считает, что общеевропейское совещание могло бы дать сильный импульс для перевода отношений между двумя социальными системами в Европе в русло мирного соревнования. Эта позиция СССР находит понимание со стороны Швеции, что нашло свое отражение в Совместном коммюнике, подтвердившем стремления обоих правительств активно содействовать успешному завершению многосторонних консультаций в Хельсинки. Стороны высказали надежду, что совещание сможет начаться в июне этого года.

Таким образом, визиты советских руководителей в соседние северные страны являются конструктивным вкладом в дальнейшее развитие добрососедства, в дело укрепления мира в Европе и на нашей планете в целом.

Алла Константиновна ТАРАСОВА

5 апреля 1973 года скончалась выдающаяся советская актриса, видный общественный деятель, член Коммунистической партии Советского Союза, Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР Алла Константиновна Тарасова.

Велика эта утрата для всей советской художественной культуры. С именем А. К. Тарасовой связаны прекрасные страницы вдохновенного творчества, вошедшие в историю отечественного театра, в его золотой фонд.

В ярких образах, созданных А. К. Тарасовой на сцене МХАТ СССР имени М. Горького, запечатлены духовные богатства и красота человека. Актриса большой глубины, правдивости и обаяния, она особенно любила тех своих героинь, которые обладали душевной ясностью, нравственной стойкостью, добрым сердцем. Миллионам зрителей широко известны роли, сыгранные А. К. Тарасовой в кино.

А. К. Тарасова была одной из лучших, любимых учениц и талантливых последователей К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Она внесла большой вклад в развитие неповторимого искусства Художественного театра, которому служила более полувека. Ее творчество — прекрасный сплав таланта, мастерства, выскателности и глубокого понимания принципов искусства социалистического реализма — партийности, народности, жизненной правды.

В 1951—1954 гг. А. К. Тарасова была директором МХАТ СССР им. М. Горького, ряд лет возглавляла художественный совет театра.

Свой богатый опыт и знания А. К. Тарасова отдавала молодежи, она была профессором школы-студии МХАТ.

А. К. Тарасовой было свойственно высокое понимание общественной роли театра, подлинного гуманизма и гражданственности, долга и достоинства артиста. Страстная заинтересованность в судьбах искусства всегда сочеталась у А. К. Тара-

совой с активной общественной работой. Советские люди трижды отдавали свои голоса за депутата Верховного Совета

СССР А. К. Тарасову, дважды избиралась она депутатом Московского Совета, являлась председателем художественного совета по драматическим театрам Министерства культуры СССР. Встречи с трудящимися, выступления перед воинами Советской Армии были неотъемлемой частью ее жизни.

Многогранная артистическая и общественная деятельность А. К. Тарасовой была высоко оценена партией и правительством — она была удостоена звания Героя Социалистического Труда, награждена двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями. Ей было присвоено звание народной артистки СССР, пять раз присуждалась Государственная премия СССР.

Алла Константиновна Тарасова навсегда останется в нашей памяти как выдающийся художник советского искусства, щедро отдававшая свой замечательный талант служению советскому народу.

Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. П. Кирилленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Г. Ф. Сизов, Е. А. Фурцева, М. П. Георгадзе, В. Ф. Шауро, П. А. Епифанов, С. Г. Лапин, Ф. Т. Ермаш, О. Н. Андровская, М. П. Болдуман, К. В. Воронков, А. Н. Грибов, О. Н. Ефремов, Ю. А. Завадский, М. Н. Зинин, А. П. Зуева, Н. А. Кузнецов, Л. А. Кулиджанов, А. П. Кторов, П. В. Массальский, Г. М. Марков, П. А. Маринов, В. А. Орлов, Б. Я. Петнер, М. И. Прудкин, Б. И. Равенский, Н. К. Симонов, В. Я. Станицын, Б. А. Смирнов, Е. Р. Симонов, А. И. Степанова, Г. А. Товстоногов, З. П. Туманова, К. А. Ушаков, К. А. Федин, М. И. Царев, В. Н. Ягодкин, М. М. Яшин.

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Центральный Комитет КПСС сердечно поздравляет редакцию журнала «Огонек», его авторов и читателей с 50-летием со дня выхода первого номера журнала.

Созданный в 1923 году журнал «Огонек» завоевал популярность миллионов читателей как верный помощник партии в борьбе за построение нового общества, активный пропагандист марксистско-ленинской идеологии, внутренней и внешней политики партии и Советского государства. На страницах «Огонька» нашла широкое отражение общественно-политическая, трудовая и культурная жизнь Страны Советов.

Опираясь на авторский актив из рабочих, крестьян, интеллигенции, журнал «Огонек» активно помогает партии в борьбе за осуществление решений XXIV съезда КПСС, в благородном деле воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и интернационализма.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза желает коллективу редакции журнала «Огонек», его авторам творческих успехов в глубоком раскрытии духовного мира нашего современника, многогранной жизни и вдохновенного труда советских людей во имя процветания социалистической Родины.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

6 апреля в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное собрание, посвященное 50-летию журнала «Огонек» и вручению ему высокой награды Родины — ордена Ленина.

На торжественное собрание пришли представители партийных и общественных организаций столицы, работники редакций газет, журналов, издательства, полиграфических предприятий, рабкорский актив.

Собрание открыл председатель правления Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Правда» М. В. Зимянин.

С заслуженной наградой поздравил коллектив редакции «Огонька» заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.-М. Клычев. Под аплодисменты собравшихся он прикрепил орден Ленина к знамени журнала.

Главный редактор «Огонька» А. В. Софронов выразил глубокую и сердечную благодарность ЦК КПСС и Президиуму Верховного Совета СССР за высокую награду. Он отметил, что приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза в адрес редак-

ции журнала вдохновляет весь творческий коллектив на решение поставленных перед ним больших задач.

Со словами приветия к журналу обратились Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, слесарь завода «Красный пролетарий» В. В. Ермилов; первый секретарь правления Союза писателей СССР, депутат Верховного Совета СССР Г. М. Марков; Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза имени В. И. Ленина, Узбекской ССР, Н. Ю. Юлдашева; первый секретарь правления Союза художников СССР, народный художник РСФСР Н. А. Пономарев; Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета СССР поэт Н. С. Тихонов, прочитавший свое стихотворение «Летчик», опубликованное в первом номере «Огонька»; Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Советская Белоруссия» В. Л. Бедуля; секретарь ЦК ВЛКСМ В. А. Житенев; начальник отдела печати Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-майор В. М. Макаров; бригадир монтажников на строительстве КамАЗа Б. Г. Лопатин; главный редактор журнала «Украина» Н. П. Подольян; народная артистка СССР В. П. Марецкая.

С большим воодушевлением участники торжественного собрания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

В. В. Ермилов.

Г. М. Марков.

Н. Ю. Юлдашева.

Н. А. Пономарев.

Н. С. Тихонов.

В. Л. Бедуля.

В. А. Житенев.

В. М. Макаров.

Б. Г. Лопатин.

Н. П. Подольн.

В. П. Марецкая.

ФИНАНСИРУЕТ... СУББОТНИК

...Апрель 1969 года. Кажется, сама весна сменила зеленый сарафан на рабочую спецовку. Шла красная трудовая суббота страны. Решением Советского правительства средства, заработанные трудящимися на этом субботнике, используются для строительства большого Научно-исследовательского онкологического центра.

...Апрель 1973 года. Москва, район Каширского шоссе. Огромная строительная площадка. Главный инженер специально созданного строительного управления треста «Мосстрой-7» Анатолий Михайлович Коробнов рассказывает о ходе сооружения новых корпусов Института экспериментальной и химической онкологии АМН СССР:

— Строительство онкологического центра в самом разгаре. Закончена инженерная подготовка площадки. Пятнадцать гектаров ее вписываются в «зеленый ансамбль Коломенского заповедника». Воздух здесь чистый, лечебный. Главные строительные силы Москвы участвуют в возведении центра, состоящего из нескольких зон. Зоны «А» и «Б» — это два будущих корпуса длиной 800 метров каждый. Их соединит подземный транспортный тоннель. В корпусах разместятся экспериментальные лаборатории, отделения лучевой терапии и реанимационное. Здесь будут сосредоточены лучшие научные силы по изучению и разработке проблем предупреждения и лечения онкологических заболеваний. У зоны «В» назначение другое. 24-этажное здание отводится под семнадцать отделений на тысячу коек. Для взрослых и детей.

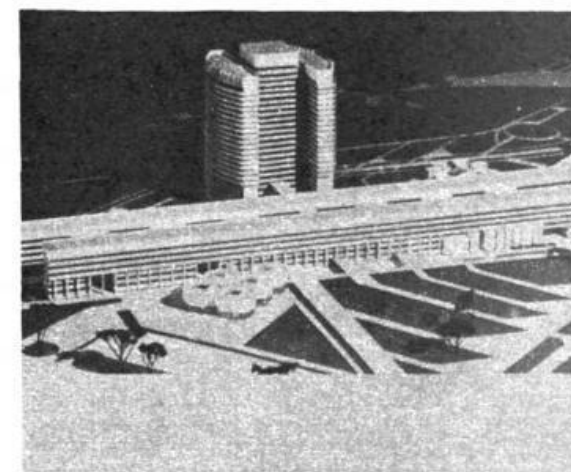
Онкологический центр рассчитан не только на москвичей, но и на больных из других краев. В зоне «В» разместятся пансионат для приезжих и гостиница для научных сотрудников из других городов.

Уже в середине 1974 года зоны «А» и «Б» должны быть сданы заказчику.

Так в Москве, неподалеку от Каширского шоссе, строится крупнейший в мире научный центр на средства тех, кто четыре года назад вышел на трудовой субботник.

Лимарий СЕМЕНОВ

Так будет выглядеть новый Научно-исследовательский онкологический центр.

Редакция журнала «Огонек» сердечно благодарит партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации, воинские части и учреждения, коллективы заводов, фабрик, строек, колхозов, совхозов, высших учебных заведений, редакции газет и журналов, творческие союзы, деятелей науки, литературы, искусства, культуры, наших читателей, всех зарубежных друзей за приветствия и поздравления в связи с 50-летием журнала и награждением его орденом Ленина.

НА

ОРБИТЕ—

«САЛЮТ-2»

Космический флот нашей страны пополнился еще одним исследователем Вселенной — 3 апреля в космическое пространство выведена орбитальная научная станция «Салют-2». Совершив же на борту спутника один виток вокруг нашей планеты и познакомившись с ним поближе.

Вооружившись телескопом, мы рассматриваем ближайшие планеты, Солнце, скопления небесных тел в далеких туманностях. Обычное на Земле мерцание светил, вызываемое перемешиванием слоев атмосферы, здесь отсутствует, и поэтому условия для наблюдений несравненно лучшие. Но не только в видимом диапазоне ведутся астрономические исследования. Находясь вне атмосферы, мы можем регистрировать с помощью аппаратуры коротковолновое и рентгеновское излучения. Например, во время полета первой орбитальной станции «Салют» проводились работы с астрофизической обсерваторией «Орион» и гамма-телескопом «Анна», осуществлялось спектрографирование звезд.

Но вернемся опять на наш спутник. И в непосредственной близости от него достаточно интересных для изучения физических явлений. Вот, например, магнитное поле Земли. Под влиянием солнечных корпускулярных потоков оно приняло своеобразную форму и имеет на ночной стороне планеты так называемый «магнитный хвост». Длительные исследования с помощью спутников магнитосферы и солнечного излучения позволили установить глубокую связь между ними, пролили свет на причины возникновения таких природных явлений, как полярные сияния и магнитные бури.

И, наконец, посмотрим оттуда на родную планету. Слово огромный глобус, окутанный голубой дымкой, медленно вращается она навстречу. Под нами проплывают причудливые орнаменты облаков, районы планеты с сухим климатом хорошо просматриваются, а в тропической зоне Тихого океана видно, как свернулся в спираль мощный циклон...

Опыт работы автоматических посланцев, а также экипажей космических кораблей показал, что перспективы изучения Земли из космоса широки и многогранны. Не удивительно, что в последние годы появились космические разделы в таких земных областях науки, как метеорология, геология, география.

Орбитальная космонавтика бурно развивается. Вот и сейчас на орбиту вокруг планеты выведена новая научная станция — «Салют-2», которая внесет свой вклад в дело исследования и освоения космического пространства. Исследования продолжают...

В. ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

ПЕРВО

Двенадцать лет назад впервые в истории человек совершил космический полет. Этим первым посланцем Земли, увидевшим нашу голубую планету из космоса, был гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин.

Накануне Всемирного дня авиации и космонавтики корреспондент «Огонька» писатель Геннадий Гончаренко побывал в Звездном городке у летчика-космонавта Героя Советского Союза Павла Романовича Поповича и попросил его ответить на несколько вопросов редакции.

* * *

Наверное, так уж повелось издавна, что людям кажется: все, уже совершенное кем-то, доступно и просто, и необычное поэтому становится вроде бы рядовым, будничным. Но освоение человеком неведомого космоса всегда будет поражать наше воображение.

Подвиг Юрия Гагарина, потрясший мир, а за ним подвиги в космосе его последователей: Г. Титова, А. Николаева, П. Поповича и В. Быковского, Валентины Терешковой. За ними еще семь космонавтов: П. Белая, А. Леонов, В. Комаров, Б. Вольнов, Г. Шонин, В. Горбатко и Е. Хрунов. За ними... За ними еще многие из тех, список которых уже вырос до двух десятков человек... Но часто в каждом из этих подвигов мы не видим начала и последующего, иногда мучительно трудного и сложного развития, а только конечный, достигнутый результат. А космонавтика — это всегда проникновение в неизведанное, всегда огромный труд и риск, мобилизация всех духовных и физических качеств испытателя, исследователя. И никогда не забудет человечество тех, кто отдал свои жизни великой цели освоения космического пространства...

Обо всем этом я думал, когда шел на встречу с космонавтом

№ 4 Павлом Романовичем Поповичем.

Известно, что космонавты соблюдают постоянно строгий режим и продолжают тренировки с тем, чтобы всегда быть готовыми выполнять свои обязанности в космосе. (Как говорится, «работа у них такая».) И естественное состояние, какое я увидел в глазах моего собеседника, в его манере разговаривать, — это постоянная готовность к действию и высочайшая самодисциплина духа, которые и рожают чувство самоотверженности и безграничной ответственности... Беседуя со мной после напряженного «космического» рабочего дня (а точнее, дней, когда тренировки идут в любое время суток), Павел Романович был приветливым и интересным собеседником отнюдь не из-за дежурной вежливости, а просто как человек добродушного характера, присущего сильным людям, и того высокого чувства самодисциплины, которое приобретает долгими годами службы. Это я почувствовал как человек в прошлом тоже военный...

— Павел Романович, вот вас и ваших коллег называют летчиками-космонавтами. Это — высокое звание. Однако сейчас космонавты не только пилотируют, но и проводят многие испытания космических кораблей, что является главным в их работе. Есть у них что-то сродни с летчиками-испытателями новых

ПРОХОДЦЫ...

типов авиационной техники. Что вы думаете по этому поводу?

— Да, в чем-то профессии летчиков-испытателей и космонавтов сходны, а в чем-то различны. Летчики-космонавты не только пилотировали известные космические спутники типа «Восток» или корабли «Союз» и «Восход». Порядковые номера аппаратов не копия предыдущих, а имеют более совершенную конструкцию. И сами летчики-космонавты не копируют предыдущие полеты своих товарищей, будь они одиночные или групповые, а выполняют все новые, более сложные задачи. Вы совершенно правы — всех наших космонавтов можно назвать гордым именем — испытатель. А разница между летчиками-испытателями новых самолетов и космонавтами, по моему мнению, заключается прежде всего в том, что работают они в неодинаковых условиях: космос исследован пока меньше (всего 15 лет!).

— Существенно ли влияет возраст на работу летчика-испытателя и летчика-космонавта или определяющим фактором остается состояние здоровья? Одинаков ли возрастной состав советских и американских космонавтов?

— Думаю, что вы уже наполовину сами ответили на вопрос... Возраст, как известно, влияет на здоровье, особенно за тридцать и сорок лет, если постоянно не готовить себя физически, как принято говорить у спортсменов, «не поддерживать форму». И каждое последующее десятилетие для человека довольно сложный «возрастной барьер». Но возраст не только «зло», но и бесценный опыт. История авиации (тут у нее снова неоспоримое преимущество перед космонавтикой) знает немало примеров, когда летчик-испытатель «перешагивал» свой «возрастной барьер» не только за пятьдесят, но и за шестьдесят лет. По-видимому, такое возможно и в космонавтике. Все зависит не только от возраста, но главное — от состояния здоровья, опыта, психологической и физической подготовки. И потом, возвращаясь к вашему предыдущему вопросу, я хочу отметить, что сейчас космонавт не только испытатель новой техники, но и исследователь космоса, что тоже требует соответствующего опыта и подготовки.

Возрастной состав советских летчиков-космонавтов и американских примерно одинаков. Недавно

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космических полетов США (НАСА) объявило состав американского экипажа, который примет участие в совместном полете с советскими космонавтами в 1975 году, то есть практически почти через 3 года. Командиром назначен ветеран космических полетов бригадный генерал ВВС США Томас Стаффорд. К началу полета ему исполнится 45 лет. Члену экипажа Дональду Слейтону будет 52 года, а самому молодому Бенсу Бранду — 44 года.

— Когда впервые начались наши дружеские связи с американскими космонавтами и кто из них посетил Звездный городок?

— Наши дружеские связи уже имеют долгие взаимопользные традиции. Начну с того, что открыл «космическую эру» советский искусственный спутник Земли и первым человеком, побывавшим в космосе, был наш Юрий Гагарин. Этого мир не забудет.

Звездный городок посетили американские космонавты Томас Стаффорд, Скотт Карпентер и Фрэнк Борман. Ему, как известно, трижды удалось побывать в космосе и совершить облет Луны. Был у нас в гостях и Нейл Армстронг — человек, которому первым из землян посчастливилось ступить на поверхность древнего спутника Земли. Мы восхищаемся мужеством и талантом своих американских коллег. С ответным визитом в США побывали наши космонавты Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, В. А. Шаталов, Г. Т. Береговой, А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов, которых тепло встретили американские космонавты, отдавая должное тому, что и их путь в космос проложили советские спутники Земли, первый космонавт мира Юрий Алексеевич Гагарин.

— Павел Романович, расскажите, пожалуйста, какое значение имеют в программе освоения космоса орбитальные станции? Когда и у кого из ученых зародилась идея их создания? Какие достижения мы имеем в этой области и какие из проблем в создании орбитальных станций нам предстоит решить в ближайшее время?

— Об орбитальных станциях мечтал еще отец космонавтики К. Э. Циолковский, как и многие последующие поколения наших ученых, работающих в этой области. Значение орбитальных стан-

ций трудно переоценить в деле открытия тайн Вселенной... Именно станции позволят нам освоить не только ближний, околоземный, но и дальний, межзвездный, космос.

Советская наука и техника внесли весомый вклад в создание орбитальных станций, и прежде всего надо вспомнить наши космические корабли — «Союзы». Каждый из этих полетов был смелым шагом в неизведанное, закладывал основы орбитальных станций будущего. Групповой многосуточный полет советских космических кораблей тоже был первым в истории.

В результате этих полетов была создана первая в мире экспериментальная космическая станция, осуществлен переход двух космонавтов из одного корабля в другой; в этих же полетах мои коллеги выполнили сложный эксперимент «космической» сварки. Кроме того, во многосуточном полете экипажа была произведена отработка и испытание новейшей космической аппаратуры и различных систем кораблей. Тут советская космонавтика имеет бесспорный приоритет...

Главная из проблем, которая стоит перед нашей космической программой сейчас, — это проблема создания долговременных орбитальных станций. Это огромная научно-техническая проблема...

— Расскажите читателям журнала «Огонек» о том, когда и как зародилась у вас мечта летать.

— На окраине города Узин, где я родился и прошла моя юность, находился военный аэродром. Мы, ребята, с нескрываемой завистью и уважением глядели на людей в летной форме. И, конечно, многие мои товарищи по школе, как и я, мечтали стать авиаторами.

Однажды так случилось, что мы, мальчишки, стали свидетелями трагедии в воздухе: над городом был подбит наш самолет и стал снижаться. Мы ватагой бросились к месту приземления. Летчик сумел посадить самолет, но сам был при смерти. Мы, ребята, помогли увезти его в госпиталь, а на другой день явились на место происшествия и принялись «изучать» устройство машины, пока ее не увезли военные. Может быть, именно тогда моя мечта созрела окончательно...

В 1954 году я окончил училище военных летчиков и уехал служить на Север...

— Кто ваши «крылатые» кумиры, если не секрет? Из летчиков, летчиков-космонавтов?

— В годы Великой Отечественной войны я впервые услышал о Покрышкине. Его беспредельное мужество летчика-воина покорило меня и поставило в пример для равнения, как на правофлангового боевого летчика. Немного позже узнал и полюбил И. Кожедуба, А. Маресьева. Из современников у меня сохранилась особая любовь к капитану Швецову, непревзойденному мастеру каскада фигур высшего пилотажа. Это человек с железной волей и мягким, добрым характером. Из космонавтов, конечно, Юрий Гагарин и мой звездный брат Андриян Николаев, с кем мне довелось совершить наш первый в мире групповой полет.

— С чего начался ваш путь в космос?

— Если говорить откровенно, то мой путь в космос (как и у большинства космонавтов) начинался с аэроклуба. Аэроклуб, образно говоря, для всех нас, летчиков-космонавтов, был первой взлетной площадкой и начальной ступенькой того будущего космодрома, с которого ракеты уносили нас в беспредельные просторы Вселенной. Ни мы, ни наши конструкторы и ученые до начала 60-х годов еще и не предполагали, что наши крылья, обретенные нами для полетов над землей, помогут нам благодаря новой реактивной технике проникнуть в неизведанные тайны космоса. При чем эволюция нашего космического взлета была сказочно стремительной. Посудите сами. Прошло десять лет, как я научился летать самостоятельно на спортивном самолете «УТ-2»... И вот я, военный летчик, вызван в кабинет генерала. Разговор деловой, без намеков и дипломатии: «Хотите летать в космос? Я спросил: «На чем?» «На спутниках...» «Разрешите подумать? Когда надо дать ответ?» «Можете завтра, послезавтра». Внутренне я был сразу согласен. Вышел из штаба... и тут же вернулся: «Когда надо собираться, товарищ генерал? Я готов!»

«Я готов!» Об этой фразе П. Р. Поповича я думал, когда возвращался в Москву.

Наверное, так же просто и лаконично скажут и те будущие космонавты, которым предстоит продолжить начатое дело освоения Вселенной...

ГОЙЯ В ЭРМИТАЖЕ

Игорь ДОЛГОПолов

В конце марта в Вашингтоне, в залах Национальной галереи состоялась торжественный вернисаж выставки «Сокровища советских музеев». Америка увидела шедевры из коллекций Эрмитажа, Музея имени Пушкина. В первый же день работы выставки пятнадцать тысяч зрителей получили возможность познакомиться с великолепными творениями Клода Моне, Ренуара, Писсаро, Сезанна, Гогена, Ван Гога, Матисса, Пикассо и других. Выставку открыла министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева. На открытии выставки присутствовали помощник президента Г. Киссинджер, члены правительства и конгресса, мэр города Вашингтона У. Вашингтон, посол СССР в США А. Ф. Добрынин, видный американский промышленник и коллекционер произведений искусства А. Хаммер, деятели культуры и искусства США, представители дипломатического корпуса.

В связи с открытием выставки было опубликовано послание Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева посетителям выставки, в котором говорится: «Выставка в США живописи из советских музеев — это одно из конкретных проявлений растущих связей между нашими странами.

Советские люди считают обмены и контакты в области культуры, наряду с сотрудничеством в других сферах, важным фактором укрепления взаимопонимания между народами. Поэтому заслуживает полной поддержки инициатива д-ра Арманда Хаммера в налаживании не только экономического сотрудничества, но и обмена художественными ценностями между СССР и США.

Приветствуя посетителей выставки от имени советского народа, выражаю искреннюю надежду, что советско-американские отношения получат дальнейшее развитие в интересах народов обеих наших стран и упрочения мира во всем мире».

По случаю открытия выставки президент США Р. Никсон в своем послании отметил, что показ произведений живописи из коллекций Эрмитажа и Музея имени Пушкина является событием чрезвычайного значения. Американский народ благодарен руководителям Советского правительства, директорам и сотрудникам этих ведущих музеев, и мы надеемся, — говорится в послании, — на продолжение взаимного культурного ознакомления и взаимопонимания, которое возникает из усилий, подобных этому.

По случаю вернисажа «Сокровища советских музеев» в здании Национальной галереи была устроена пресс-конференция. Министр культуры СССР Е. А. Фурцева указала в своем выступлении на большое значение этой выставки для развития культурных связей между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Известный американский промышленник и коллекционер живописи А. Хаммер подчеркнул на пресс-конференции, состоявшейся по случаю вернисажа, что Советское правительство проявляет огромную заботу о произведениях живописи и делает все для того, чтобы они были доступны не только советскому народу, но и народам других стран. Благодаря великодушию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, заявил А. Хаммер, американский народ имеет теперь возможность познакомиться с этой замечательной советской выставкой.

АРМАНД ХАММЕР РАССКАЗЫВАЕТ

Арманд Хаммер. Это имя стало знакомо нам еще в двадцатые годы, когда молодой промышленник встретился с Лениным и Владимир Ильич поддержал ценную инициативу энергичного американца.

В январе нынешнего года по случаю открытия в Музее имени Пушкина в Москве Выставки произведений из коллекции Арманда Хаммера редакция журнала «Огонек» поручила автору этих строк взять у него интервью.

Должен признаться, что, поднимаясь по лестнице гостиницы «Националь», я пытался подсчитать, сколько лет г-ну Хаммеру, если мне, бывшему школьнику, рисовавшему лошадей и домики карандашами его фирмы, минуло уже полвека. Велико было удивление, когда нас встретил бодрый и весьма энергичный человек с открытым и очень подвижным лицом, с живыми острыми глазами, поблескивающими из-под тяжелых век.

— Как я понимаю, — сказал Арманд Хаммер, усаживая нас за стол, — «Огонек» — это русский «Лайф». Хотя, впрочем, прискорбно, что «Лайф», этот популярный американский журнал, прекратил свое существование. Я хорошо знал Генри Люса... Его сын не был так способен, как отец... Но это уводит нас от темы встречи, и вопросы конкуренции — достаточно сложная материя...

Я весьма признателен, — проговорил Хаммер, кстати, хорошо объяснявший по-русски, — гостеприимству моих советских друзей.

Должен признаться, — продолжал Хаммер, — что, когда в 1964 году в составе большой делегации деловых людей Америки я вновь посетил Москву, то был потрясен. Я увидел новый город, новых людей, я дышал новым воздухом. Вы, русские, вблизи порою не видите, может быть, того, что можно увидеть с расстояния почти в полвека. Прогресс колоссален!

Мы остались довольны встречей. Беседы, проведенные в Москве, были очень полезны и конструктивны.

Правда, — и тут Хаммер лукаво усмехнулся, — не обошлось и без курьеза... Когда мы посетили Кремль, нам стали показывать рабочий кабинет Владимира Ильича. Я вновь увидел знакомый стол, и прошлое, как живое, встало перед глазами.

Молодой экскурсовод, рассказывая о встречах Ленина с иностранцами, упомянула и мое имя. Она обратила наше внимание на бронзовую статуэтку: обезьянка сидит на книге Ч. Дарвина. «Это подарок от вашего соотечественника, бывшего концессионера Хаммера. Владимир Ильич тогда вручил американцу свою фотографию с надписью на английском языке: «Товарищу Арманд Хаммеру от В. Ульянова (Ленина)».

Кто-то из нашей делегации в шутку спросил: «А где сейчас Хаммер?» Экскурсовод на миг задумалась. «Я точно не знаю, наверное, он очень стар», — сказала она со вздохом и замолкла...

Тогда я сказал: «А я здесь»... Все от души рассмеялись.

Я всегда с чувством великой гордости вспоминаю о моей встрече с Лениным, которая вам, очевидно, известна. Хотя думается, что молодым читателям «Огонька» можно было бы напомнить несколько строк из этой, ставшей для меня незабываемой страницы моей жизни. Хотя я прожил почти три четверти века, но должен признаться, что эти исторические минуты стоят у меня перед глазами как живые. Несмотря на то, что с того августовского дня 1918 года прошло без малого пятьдесят пять лет.

...Ленин поднялся из-за стола и пошел мне навстречу. Он был ниже ростом, чем я ожидал, — плотно сложенный человек с большой куполообразной головой, одетый в темно-серый рабочий костюм, рубашку с белым мягким воротником и черным галстуком. Глаза его светились дружеской теплотой, когда он пожал мне руку и повел к большому письменному столу. Комната была заполнена книгами, журналами и газетами на полдюжине языков. Они лежали повсюду: на полках, стульях, были свалены на самом письменном столе, занимали все, за исключением небольшого свободного пространства, где стояли телефоны. Я заметил кусок золотоносного кварца, используемый в качестве груза для придавливания бумаг, и костяные и бронзовые статуэтки, присланные Ленину в подарок крестьянскими и рабочими организациями. Все это сразу бросилось мне в глаза, но я до сих пор не могу припомнить, какой была комната и были ли, скажем, картины на ее стенах. В течение беседы, продолжавшейся с час или немногим больше, я был абсолютно захвачен личностью Ленина.

Ф. Гойя. 1746—1828. ПОРТРЕТ АКТРИСЫ АНТОНИИ САРАТЕ.

Огюст Ренуар. 1841—1919. ЧИТАЮЩИЕ ДЕВУШКИ.

Собрание А. Хаммера.

*Привет моим
друзьям и читателям
Журнала Огонек
Армандо Хаммер*

Арманд Хаммер.

Фото Дм. Бальтерманца.

Он говорил по-английски энергично и выразительно, не жестикулируя, если не считать быстрого движения рукой, как бы отрубаящего фразы. Как я узнал потом, этот жест был характерен для него и при публичных выступлениях. Время от времени он подыскивал слова, но его английская речь текла легко и плавно.

«Будем говорить по-русски или по-английски?» — начал он.

Я ответил, что предпочитаю английский, поскольку мой собеседник владеет им в совершенстве.

«О, далеко не в совершенстве, — ответил он. — Я думаю, русский показался вам довольно трудным для изучения. Большинству иностранцев так кажется».

Я ответил, что упорно работаю над его усвоением, стараясь выучивать по сотне слов в день.

Две наши страны, Соединенные Штаты и Россия, как объяснил Ленин, дополняют друг друга. Россия — отсталая страна с огромными богатствами в виде еще не разработанных ресурсов. Соединенные Штаты могли бы найти здесь сырье и рынок для машин, а затем и для готовых товаров. Россия нуждается прежде всего в американской технике и методах, в американских инженерах и инструкторах. Ленин взял в руки экземпляр журнала «Сайентифик америкэн».

«Взгляните, — сказал он, быстро перелистывая страницы, — вот чего добился ваш народ. Вот что означает прогресс: строительство, изобретения, машины, развитие механического подспорья для человеческих рук. Россия сейчас похожа на вашу страну во времена первооткрывателей».

«Из всех стран мира, — сказал мне товарищ Ленин, — мы считаем Америку той страной, где капитализм достиг своего наибольшего развития. Конечно, мы надеемся достигнуть в России такой же производительности с той только разницей, что средства производства будут в руках государства и, таким образом, весь продукт национального труда попадет в руки народа вместо того, чтобы сделаться добычей небольшого количества частных предпринимателей...»

...Мы приглашаем американцев приехать к нам в Россию, чтобы научиться нас их приемам производства и поднять нашу промышленность на достойную высоту. Мы готовы платить за такую помощь и обещаем американскому капиталу полную неприкосновенность и гарантируем возможность заработать деньги на концессиях в промышленности и торговле на определенный период времени...

Ленин твердо держал слово. В невероятно короткий срок я оказался первым американским концессионером, взявшим обязательство начать реконструкцию промышленности, с которой был совершенно незнаком. Должен, однако, добавить, что Ленин не недооценивал стоявших перед мной трудностей. Среди бумаг я храню письмо, написанное им лично, чтобы заверить меня в его интересе к нашим проектам и в том важном значении, которое он придает возобновлению торговли между Соединенными Штатами и Россией...

Да, Россия... 1921 год... Трудно, очень трудно себе представить, из какой бездны разрухи поднялась тогда страна. Я еще раз хочу сказать вам. Вам, русским, почти невозможно вблизи оценить в полной мере тот гигантский исторический бросок, небывалый в летописи жизни нашей планеты, который вы совершили вопреки сопротивлению врагов и несяморя на самую жестокую и кровавую из всех войн, которую вело человечество. — Тут Арманд Хаммер снял очки, долго протирая их. Лицо его стало суровым.

— Когда я открыл в Ленинграде выставку из моих коллекций, то после вернисажа состоялся обед, на котором было сказано много добрых слов о развитии дружбы Советского Союза и Америки, о прогрессе в наших культурных связях. Эта встреча происходила в «Астории», и я вдруг вспомнил, что некогда фюрер мечтал устроить именно в

этом ресторане банкет по поводу разгрома Ленинграда и победы над русскими. Перед моим взором предстала страшная и величественная картина сопротивления великого города... 900 дней блокады... Тысячи, тысячи унесенных жизней. Все это я попытался высказать в тосте, произнесенном во имя светлой памяти героев, спасших Европу и мир от фашистской чумы.

Каждый из ста пятидесяти человек, присутствовавших на банкете, подошел ко мне, и я не увидел ни у одного сухих глаз.

Мы были союзниками в этой великой битве, и мне думается, что и сегодня нам нечего делить. Я не помню за последние полвека момента более благоприятного для развития наших дружеских взаимоотношений. Я глубоко верю, что и деловые и культурные контакты между нашими великими державами — СССР и США — будут крепнуть год от года...

Хаммер встал, подошел к столику, на котором лежала стопа книг. Он взял два экземпляра и отдал их нам.

Это был прекрасно напечатанный в Москве многокрасочный каталог Выставки коллекций Хаммера. На лакированной обложке — репродукция с картины Ван Гога.

Сам Ван Гог так рассказывает о создании этого замечательного полотна: «Я пытался восстановить пейзаж таким, каким он, кажется, был в действительности, упрощая и подчеркивая величие и неподвижность сосен и грандиозную неприступность кедров на фоне голубого неба»...

Мы молча перелистывали страницы каталога. Шедевры Рембрандта, Рубенса, Гойи, Ренуара, Дега, Моне, Гогена сверкали на репродукциях, а ведь теперь они стали близко знакомы нашему зрителю, любителю искусства.

Я спросил у г-на Хаммера, как он начал собирать картины и что двигало им на этом поприще.

— Это отлично записал Джон Уолкер, почетный директор Вашингтонской национальной галереи, прочитайте это в каталоге.

Я открыл страницу девятую:

«Как-то я спросил Арманда Хаммера, почему он коллекционирует картины. «Потому что это увлекательное занятие! — ответил он. — Это как охота. Я испытываю особую радость, когда мне удается разыскать редкие картины или услышать связанную с ними историю. Мне всегда нравилось что-нибудь собирать, коллекционировать. Так, я собирал марки. У моего отца была большая коллекция марок. Но картины — это нечто большее, чем простое коллекционирование. Здесь вы соприкасаетесь с чем-то неумирающим, что пережило века, что вы сохраняете для грядущих поколений».

Хаммер задумчиво перелистывал страницы каталога.

— Я собираю полотна мастеров живописи и испытываю ни с чем не сравнимое удовольствие, когда показываю их людям. Я мечтаю, что в ответ на мою выставку русские покажут американскому зрителю выставку шедевров Эрмитажа и Музея имени Пушкина. Я глубоко убежден, что в этих первоклассных собраниях есть немало шедевров мирового класса, не имеющих себе равных ни в одной коллекции, ни в одном музее мира.

Летопись жизни и творчества мастеров живописи, легенды о создании ими картин всегда захватывающе интересны и поучительны. Так и каждая из картин моей коллекции имеет свою историю, если хотите, свой роман. Каждый мой поиск, если хотите, охота за полотнами Рембрандта, Рубенса, Фрагонара, Гойи, Жерико, Коро, Клода Моне, Ренуара, Ван Гога и других заслуживает отдельной новеллы, связанного рассказа. Я надеюсь, что когда-нибудь расскажу об этом.

Одним из моих самых любимых полотен был «Портрет актрисы

Антонии Сарате» кисти великого Гойи. Это шедевр! И все же я решил подарить его Эрмитажу в знак моей безмерной признательности России. Я знал, что у вас это первый подлинный Гойя, и верил, что эта жемчужина украсит коллекцию одного из самых великолепных собраний нашей планеты.

Когда я умру,— вдруг произнес Хаммер,— я завещаю мои коллекции картин и рисунков американским музеям Лос-Анджелеса и Вашингтона. Картины должны принадлежать всем людям. Прекрасное должно входить в их жизнь. Это мое кредо... Простите, на минуточку покину вас.

Я прочел несколько строк из предисловия к каталогу, написанных Уолкером:

«Беседуя с Арманом Хаммером, нельзя не чувствовать интеллектуальной цельности его натуры. Он находит нужное решение для любой проблемы, с которой сталкивается, будь то в юности — фармацевтическая фирма, борьба с голодом в России или позже — продажа тракторов «Фордзон» и производство карандашей, распродажа первой коллекции картин после возвращения из России, расширение компании «Оксидентал петролеум», поиски средств излечения от рака в Центре раковых исследований Арманда Хаммера в Институте Солка в Ла Холла (Калифорния). Далеко не последнее место в его стремлениях занимает коллекционирование произведений искусства в интересах общества.

Арманд Хаммер не похож на других собирателей картин. Его главная цель — поиск, а не владение. Ни одна из принадлежащих ему ценнейших картин, ни один из бесценных рисунков не висят в его доме...»

— Завтра я улетаю в Штаты,— промолвил вошедший Хаммер,— и у меня уйма всяких дел, надеюсь, что ваш уважаемый журнал покажет миллионным своим читателям несколько холстов из моей коллекции на своих цветных вкладках и расскажет о создателях этих картин. Я очень люблю и глубоко ценю вкус вашего массового советского зрителя.

Арманд Хаммер взял перо и написал в моем блокноте:

«Привет моим друзьям читателям журнала Огонь.

Арманд Хаммер».

В заключение он подарил мне и Дмитрию Бальтерманцу, фотографировавшему нас во время беседы, по экземпляру каталога своей выставки и произнес:

— Я верю, что увижу каталог выставки шедевров советских музеев у нас в Соединенных Штатах!

Как видите, он не ошибся...

«ПОРТРЕТ АКТРИСЫ АНТОНИИ САРАТЕ»

И снова и снова я прихожу в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. И снова и снова я вижу неиссякающую очередь людей, желающих попасть на выставку произведений из коллекции Арманда Хаммера. Ни мороз, ни непогода не мешали зрителям наполнять до отказа залы экспозиции.

Великий Рембрандт, блистательный Рубенс, изысканный Фрагонар, великолепный Коро, очаровательный Ренуар, тончайший Дега, прятный и острый Тулуз-Лотрек, ослепительные Ван Гог, Гоген, Модильяни...

В центре большого зала жемчужина экспозиции — шедевр Франсиско Гойи «Портрет актрисы Антонио Сарате», подаренный Арманом Хаммером Эрмитажу.

Гойя!.. Этот великий испанский мастер оставил людям целый мир образов. Короли, инфанты, нищие, гранды, актрисы, ученые, тореро, махи... Целый сонм характеров острых и ярких, порою злобных, порою чарующих. Казалось, что само бытие бьет ключом в полотнах Гойи. Мы забываем, глядя на его холсты, о манере живописца. Не обращаем внимания на почерк художника. Не видим отдельных пастозных ударов кисти, не замечаем тончайших касаний лессировок. Нас покоряет трепетная, тонкая и грубая, ароматная и зловонная, поющая и орущая, воющая и рыдающая, уродливая и обаятельная, трижды проклятая и все же благодатная сама жизнь!

«Портрет актрисы Антонио Сарате» написан мастером в первом десятилетии XIX века... Не античные пропорции лица, не безупречность осянки, не красота наряда заставляют нас с первого взгляда запомнить и полюбить навсегда ее образ. Нас магнетически привлекает немного тревожный взгляд широко открытых, чуть уставших глаз актрисы, мерцающие блики ее огромных зрачков, прикрытых тяжелыми, ясно очерченными веками... Антония чем-то удивлена, почти испугана... Ее брови вопросительно приподняты. Но профессиональное умение владеть своими чувствами и природная гордость заставляют сеньорину молчать. Ее накрашенные губы скрывают тайну. Лишь тонкие ноздри чуть вздрагивают, выдавая волнение. Неверный свет, мерцающий по шуршащему шелку белой кружевной мантильи, окутывающей прелестную головку и подчеркивающей тонкий овал лица. Он озаряет перламутровую прохладу лба, обрамленного густыми кудрями, касается нарумяненной округлости щек и рассыпается жемчужными брызгами по серебристой снежности корсажа, заключенного в пушистую раму горностаевого меха, и, наконец, загорается алыми и пурпурными бликами на наброшенной на плечи накидке.

Безмерная бездна ночи окружает молодую испанку. В ее душевной черноте — неведомая опасность. Эхо этой бархатной мглы — в широко открытых глазах, печальных и испуганных. Чем? Это тайна. Но в этой тайне, в этой нераскрытости весь Гойя, певец своего времени... Это он сказал горькие, как полынь, слова: «Мир — это маскарад: лицо, одежда, голос — все подделка; каждый хочет казаться не таким, каков он в самом деле, каждый обманывается, и никто не узнает себя».

Испания начала XIX века... Пора власти самого реакционного двора в Европе. Глубокая ночь реакции царит в стране, находящейся накануне взрыва. В эти годы Гойя, несмотря на звание «первого живописца короля», независимо и гордо глядел прямо в глаза дегенеративным коронованным деспотам, он презирал и ненавидел корыстолюбивых вельмож и ханжей-церковников, терзавших народ, сыном которого был он, простолюдин-«батурро», Франсиско, а проще Франчо, как звали его мать — простая крестьянка.

Гойя был мудр. О нем говорили, что его «картины кажутся написанными мыслью», и его кисть заставляет нас сегодня услышать в бездонном безмолвии мрака, окружающего прелестную Антонию Сарате, и злобный шепот наущников, сладкие комплименты придворных хамов, и звон гитары, и звуки романса, и прерывистое дыхание, и шелест кружев... Жизни, терпкая и желанная, предстает перед нами.

В эти годы палитра Гойи становится все более сдержанной, почти скупой. Весь накал страстей, бушующих в груди художника, всю силу любви и ненависти мастер выражает в борьбе света и тьмы, он, пожалуй, ближе, чем кто-либо в XIX веке, приближается к пониманию искусства Рембрандта, гениально владевшего тайнами валера и умевшего раскрыть до конца неисчерпаемые богатства немногих скупых красок.

Черное, белое, розовое, красное, серое — вот строго ограниченный колористический строй холста, и вся мощь темперамента живописца раскрывается в тончайших сочетаниях этой скупой заданной гаммы цветов. Трудно найти словесное определение этим мерцающим и переливающимся пепельным, перламутровым, жемчужным, серебристым, пурпурным, алым, багряным, аспидно-черным и белоснежным колерам, музыкально слагаемым в единственную в мировом искусстве мелодию, имя которой — живопись Гойи!

Удивительна пластика портрета. Многим с первого взгляда кажется, что кисть Франсиско Гойи в этом полотне несколько грубовата, порою даже наивна. Думается, что это — величайшее заблуждение. Именно гойевская полная раскованность, сочетающая широту эскизно проложенных планов с ювелирной, тончайшей моделировкой, и создает ту уникальную живость и трепетность пластической ткани, которая присуща только письму великого испанца.

Неотразимость гойевской маэстрии в сочетании свободы и естественности живописной манеры с потрясающей жизненностью изображения. Недаром Гойя был кумиром выдающихся живописцев-новаторов XIX века — Эжена Делакруа и Эдуарда Мане. Ведь живопись испанского мастера давала зримый ключ к постижению тайн мастерства таких гигантов, как Веласкес или Рубенс.

Поль Жамо — хранитель Лувра — сказал о значении Гойи:

«В течение ста лет у нас, поскольку Франции в этом веке принадлежала честь художественной инициативы, не было ни одного оригинального творца, который не мог бы вывести себя от Гойи. Другими словами, наше искусство было новым именно в той мере, в какой оно примыкало к Гойе... Он соединил лучшее из прошлого с лучшим из будущего; это редчайшее, это прекраснейшее, и это нужно сказать о Гойе. Есть живопись после Гойи, как есть живопись после Рубенса».

В полотнах Франсиско Гойи была еще одна черта, которая во многом опередила развитие искусства будущего, — редкая напряженность, экспрессия, тот внутренний огонь, который неотразимо чарует нас в образе Антонио Сарате.

Многие крупные мастера живописи Европы оставили нам превосходные образцы женских портретов, порою выполненных виртуознее полотен Гойи. Некоторые из этих художников владели не менее блестяще рисунком, иные на первый взгляд обладали роскошным колоритом. Но недаром Гойя есть Гойя! И он один из немногих великих живописцев в мировом искусстве, подобно Тициану, Рубенсу, Гентсборо, дал национальный тип женской красоты, оставшийся непревзойденным. Это образ испанки — страстной, полной внутреннего пламени.

«Модели для нас, художников», говорил Поль Гоген, — только печатные знаки, помогающие нам выразить самих себя».

В портрете Антонио Сарате живописец, прошедший шестидесятилетний рубеж, как бы раскрывает свое ощущение мира... Вглядитесь пристальней в смятое лицо молодой женщины, и вы прочтете еще раз глубоко затанное горестное изумление, сожаление, почти испуг. Будто перед глазами актрисы из мрака восстает все фантастическое уродство реальности, весь калейдоскоп дурных страстей человечества — сласлолюбия, коварства, угодливости и чванства, предательства и жадности... Не крылатые духи и ведьмы, возникающие в ночных кошмарах, а люди во всей своей обнаженности, восстают из окружающего Антонию мрака. И мы в мерцании призрачного, неверного света, озаряющего Сарате, не столько видим, сколько догадываемся о панораме хоровода ублюдков, кружащегося вокруг нее. Раскройте гениальные листы «Капричос», и вы многое поймете.

Гойя создал один из интереснейших своих портретов-биографий. Невзирая на грим и условность маски известной актрисы, на почти вымученную полуулыбку Антонио, мы ясно ощущаем нестираемые следы усталости, глубокого разочарования во всем ее облике. Мастер как бы подчеркивает публичное одиночество Сарате, поместив ее в центре черной бездны и заставив, именно заставив нас догадываться по сложнейшим рефлексам о фантазмагорическом окружении Антонио, невидимом нам. В этом сложнейшая метафора портрета, приближающая, включающая саму Антонию в персонажи цикла «Капричос» — этого энциклопедического собрания изображений страстей рода человеческого.

Живописец властно заставляет нас пытаться проникнуть в тончайшую психологическую ткань состояния Антонио. Гойя делает нас сообщниками, совладельцами тайны Сарате — ее так тщательно замаскированного страха.

Вообразите на миг утлый корабль женской судьбы знаменитой актрисы, мятущийся по бурному житейскому морю, рискующий ежемгновенно разбиться о Сциллу и Харибду вулгарного меценатства, похотливости, зависти, корыстолюбия и этой липкой людности, словом, всех тех невыносимых благ, которые несет с собою прелестная жизнь на сцене мадридского театра в благословенной Испании начала XIX века.

В отражении духовной смятенности Сарате, в психологической зашифрованности ее драмы, прикрытой внешней импозантностью, в изображении жуткой и милой усталости молодой женщины, в потрясающем умении выразить целый мир в небольшом полотне, в этом — все колдовство Франсиско Гойи, мастера единственного и неповторимого, одного из самых гениальных толкователей Человеческой Комедии!

ДОВЕРИЕ

1. У ГЛАВНОГО

Иван вошел в приемную и в нерешительности остановился. Сомнения вновь овладели им. Не раз присутствуя на оперативных совещаниях у Главного конструктора, он знал, как буквально по минутам распределен рабочий день Сергея Павловича Королева. Имеет ли он право отвлекать его? Вспоминались перипетии недавних событий, которые привели его сюда.

...В конструкторском бюро, руководимом Сергеем Павловичем, формировалось новое подразделение перспективных исследований. В этот отдел отбирались лучшие специалисты.

Посвятить себя разработке новых проблем космической техники давно мечтал и Иван. Он был уверен в своих силах и одним из первых подал заявление о переводе. Полной неожиданностью был для него категорический отказ начальника отдела: «Возьмите свое заявление обратно! Вы нужны мне».

Куда бы и к кому ни обращался в дальнейшем Иван, везде он наталкивался на незримую стену недоверия. «Да, да, понимаем, — говорили ему, — вы очень хороший специалист, даже талантливый, но видите ли, ваш физический недостаток — извините, ведь вы не слышите? — исключает возможность вашего перевода на столь ответственную работу».

Иван спорил, убеждал, но безрезультатно. Оставалась единственная надежда на Сергея Павловича Королева...

Задумавшись, Иван не заметил, как подошел секретарь и коснулся рукой его плеча.

— Эс Пэ ждет вас, — понял он по губам секретаря.

Сергей Павлович сидел за письменным столом и что-то писал. На небольшом, но удобном письменном столе, коренастом и приземистом, как и его хозяин, лежали книги, чертежи и рукописи.

— Здравствуйте, Сергей Павлович, — поздоровался твердым и решительным голосом Иван.

«А помнит ли Сергей Павлович, что я не слышу?» — мелькнула мысль.

— Здравствуйте, садись, — деловито сказал Сергей Павлович, заметно артикулируя каждое слово.

— Мне очень и очень неудобно отрывать вас от дел, но... у меня нет выхода, я... написал вам заявление... Вся надежда на вас, Сергей Павлович.

Королев молчал. Его лицо было непроницаемо. Он потянулся и взял толстую папку. Там лежали личные заявления сотрудников.

«Их так много», — отметил про себя Иван. И с горестью подумал: «Да еще и я!» Он сразу узнал свое заявление. Оно было украшено размашистой, властной резолюцией одного из заместителей Королева: «Нет оснований!»

Королев прочел, встал, подошел к окну. Задумался. Склонил голову, подперев массивный подбородок правой рукой. В этой позе, как знали его сотрудники, Королев обдумывал важные вопросы.

Иван осознавал ту ответственность, которую надо взять на себя Главному конструктору: подразделению предстоит решать небывалые задачи. А значит, каждый инженер должен работать с максимальной отдачей творческих сил. Брак в подборе кадров недопустим, ибо замена не оправдавших надежд специалистов потребует времени «приработки». А сроки!?

Сергей Павлович думал. Наконец обернулся и подошел к Ивану, задумчиво произнес: — «Призвание» — пишешь ты. А ты уверен, что это действительно твое призвание?

— Да, уверен, товарищ Главный! — решительно произнес Иван. Он начал говорить сбивчиво, волнуясь, что давно интересовался этим направлением в технике, что его не пугает ответственность и объем работы, что он готов работать ночами, сверхурочно, что он знает новую специфику. Он подыскивал все новые аргументы, примеры, когда воля и упорство опрокидывали сложившиеся традиции, побеждали физические недостатки человека. Вспомнил и о том, что Маресьев летал...

— Я прошу вас поверить мне, Сергей Павлович! — твердо закончил он свою взволнованную речь.

Королев подошел к столу и нажал кнопку на пульте оперативной связи. Иван мобилизовал все свое умение читать с губ. Сергей Павлович приглашал к себе заместителя.

Заместитель вошел быстро, как будто ожидал этого вызова. Королев, не отрывая глаз от бумаги, начал первым.

— Ко мне пришел товарищ, — он указал взглядом на Ивана, — он хочет работать у вас. — Не поднимая взгляда, продолжил: — Я его внимательно выслушал... и думаю, он будет на месте.

2. СТАРТ

В полутемном салоне самолета было тепло и уютно, резко отдавало специфическими авиационными запахами. Иван опустился в кресло, как он любил, у окна.

Иван летел на космодром впервые, как и впервые участвовал в запуске спутника. Летел с чувством необычной душевной приподнятости, которая не покидала его с того памятного дня, когда Сергей Павлович Королев подписал приказ об его переводе.

Долго и труден был его путь сюда, в салон самолета, пунктом назначения которого был космодром...

Вместе с многочисленным коллективом специалистов самых различных профилей прошел Иван все этапы создания спутника. От первых проектных разработок до комплексных испытаний перед отправкой.

Всегда — и в трудные минуты творческого поиска и в напряженные моменты экспериментальных отработок — помнил Иван о том доверии, которое оказал ему Сергей Павлович Королев.

Целеустремленность в сочетании с высокой инженерной подготовкой, опытом и творческим стилем работы, ставшие главным наследием Королева, были теми благотворными движущими силами, которые помогали Ивану и его коллегам преодолевать трудности.

Суета в салоне спала. Все улеглись на свои места. Иван осмотрелся. Рядом, грузно ерзая в кресле, балагурит компанейский заводила Славка из неугомонного и всезнающего племени проектантов. Доброжелательно кивнув Ивану, улыбнулся всегда уравновешенный Михаил Брутин — всеобщий любимец, широко эрудированный специалист. Как обычно, погруженный в свои думы, сидит Алик Кариян, удивительно талантливый, утонченный инженер, изобретатель оригинальных механизмов и систем.

Все они разные и не похожие друг на друга. Разные у них характеры, увлечения, склонности. И общее дело. Та великая наука освоения неизведанного космического пространства, которую создал Сергей Павлович Королев. То великое дело, которое начал Юрий Алексеевич Гагарин.

...Самолет, взревев двигателями, стартовал в ночное небо. Заложив вираж, он лег на курс.

Ивану было радостно думать о «своем» спутнике там, на космодроме, в создании которого были и его мысль, его труд.

Вспомнился и один курьезный случай. Как-то, во время особо напряженных работ, Иван задержался в сборочном цехе допоздна. Он стоял в люке по пояс и заканчивал монтаж «своего» агрегата.

Вдруг кто-то тихо потянул его за полу халата. Чертыхнувшись, Иван буркнул: «Не мешай» — и резко отстранился. Его потянули опять.

Разгневанный Иван вылез наружу. Перед ним стоял сам Главный...

Крепкий дружеский толчок оборвал свидание с прошлым. Степные запахи ранней весны ворвались в салон самолета.

В огромном воздушном зале монтажно-испытательного корпуса Иван еще издали увидел спутник. Он стоял на подставке, оплетенный лианами кабельных стволов.

Началась круговорот проверок и устранения выявленных отклонений и еще раз проверок. На космодроме к Ивану уже привыкли. Пользуясь своим натренированным умением читать с губ, он принимал деятельное участие в совещаниях и решениях различных вопросов. Но, когда это умение подводило, вежливо, но настойчиво своим глуховатым голосом просил написать, о чем шла речь.

Последняя «земная» операция — установка спутника на ракету-носитель — состоялась поздно ночью. Иван тоже пришел в цех. Там были уже многие — разработчики, баллистики, конструкторы.

Пришли они, чтобы попрощаться с делом рук своих. Установленный на технологическую тележку, космический странник выглядел сегодня празднично. Своим компактным совершенством и изящной архитектурной завершенностью он напоминал инопланетного пришельца. Это сходство усиливали бусинки глаз — объективов оптических устройств. Старт был назначен на завтра.

И вот — пуск!.. Снизу из-под ракеты, сгущаясь, за клубились космы грязно-белого дыма. Дым за клубился гуще, сильнее. Сквозь него блеснули сполохи огня.

Гул усилился, перешел в вибрирующий рев, рев плотный, сотрясающий все вокруг. Казалось, он уплотнил воздух и его можно взять рукой.

Опорные фермы стартового комплекса плавно качнулись и, словно торопясь отпустить ракету, метнулись в стороны.

Теперь она, ничем уже не связанная с Землей, повисла на упругих струях разъяренного огня. Чуть помедлив, деловито поплыла вверх, навстречу бездне неба. Ослепительные жгуты газовых струй из сопел, казалось, затмили солнце.

Вибрирующий рокот, сотрясая окрестности, возвещал о новой победе человеческого разума. И хотя С. П. Королева уже не было на космодроме, все понимали: это была еще одна его победа.

...В Москве в киоске Союзпечати Иван купил газету. Сообщение ТАСС о новом советском космическом эксперименте наполнило его тихой радостью.

Он вышел из автобуса в самом конце проспекта Мира. Решительно пересек улицу и направился к аллее покорителей космоса.

Иван шел, сжимая в руке чуть распутившуюся веточку саксаула, срезанную им там, где уходили в небо советские космические спутники Земли. Шел туда, где на строгом гранитном постаменте в задумчивой позе навечно застыл Главный конструктор.

Мальчишкою Алексей подолгу гостил на далеком хуторке у тетушки. Тихий хуторок угнездился на берегу речки под горою на самой окрайке района. Тетушка Матрена, звонкоголосая, хлопотливая, не могла нарадоваться гостю. Угощала сдобными пирожками, сметаной, свежесколоченным пахучим маслом, покупала в сельмаге немудреные игрушки. Приглядывала за ним: как бы не убежал за речку в пионерский лагерь, не подрался с хуторскими ребятами. А дядя Андрей, огромный, загорелый, катал Алешку на тракторе. Помнится, колхозные девчата, проходя мимо, пели про него: «Прокати нас, Андрюша, на тракторе, до околицы нас прокати...». Вечерами у тетушки часто собирались подруги за чаем. Они хвалились обновлениями, жаловались на непогоду, весело поругивали своих мужей. Ни один вечер не обходился без песен. Пели протяжные старинные песни. Это запомнилось Алексею больше всего.

А с двоюродной сестренкой Полинкой Алешка весь день пропадал в саду — каталась на качелях, из рогатки били по воробьям.

Спал Алешка с дядей на дворе, на стожке сена. Как много знал дядя Андрей сказок! То ли вычитывал, то ли сам придумывал. Каждый вечер рассказывал новую. Лежат они, глядят в темное звездное небо, и дядя Андрей начинает издали, спокойно... Потом вдруг на самом интересном месте заговорит громко (Змей Горыныч угрожает богатырям...), выпростает

— Аким! Леша приехал. — И Алексею: — А я наказывала с нашими... на базар в станицу ездили... чтоб приехал ты...

«До чего же похожи они — тетка и мать, — отметил Алексей. — Морщины, как и у матери, пролегли на лбу двумя косыми нитками, и седина одинаковая. Да ведь она моложе матери на пять лет. А глаза у тетушки какие-то невестельные, кроткие. И улыбка робкая, потаенная». Шлепая запыленными тапками, подошел дядя Аким — высокий, слегка сутуловатый — в испачканных землей штанах, свисшей чуть не до колен серой косоворотке. Пожал Алексею руку жесткой, горячей ладонью.

— В гости? — спросил он охрипшим баском. — А мы вот по хозяйству управляемся. Выкроили время. — Прищурил зеленоватые глаза, оглядывая парня. Длинными пальцами тронул рыжую с проседью бороду. На крепких, могучих плечах пропотела рубашка.

— Стало быть, ты Павла Родионова сын? Да-а, похож. Зна-ал я твоего батю, — как-то в нос проговорил дядя, поднял брови и, будто спохватываясь: — Отважный, рискованный парнем был. Как же... встречались... В тридцатом... Было дело...

— Что, нехорошо встречались? — спросил Алексей.

— Да как сказать... В ту мутную пору и разобрать было трудно, где свой, а где чужак. — Беззлобно, как о былой далекой шалости сказал дядя. — Гарцевал твой батя, добрых хозяев из домов выкуривал. А зачем? Кому сделал плохо? Себе. Раньше всех других упокоился.

Алексей почувствовал себя неловко, будто был в чем-то виноват. Поглядел мимо хозяев на усадьбу.

Кусты картошки были заботливо окучены, темнела еще не высохшая взрыхленная земля. Между рядками зеленели арбузные плети. В гордых поклонах застыли желтые подсолнухи. За плетнем виднелись кусты винограда, за ними — сад, пестреющий побеленными стволами.

— Разрослась ваша усадьба.

— Разрослась, говоришь? А зачем же земле пустовать, вдовствовать. Ей, как бабе, рожать

Возле забора зеленела резными листьями клубника, уже пожелтевший крыжовник, поодаль легла клетка лопушистой приземистой малины.

— Недавно ко мне школьников приводили. Экскурсию делали. Пришлось ребятишкам рассказать про виноград, малину, клубнику. Интересовались, откуда что берется, какой чему уход нужен. А учительница — живет десять лет на хуторе! — моргает глазенками. И ей, ученой, тоже это в новинку. Не знает, что сеет ее колхоз. Срамота. Чему она ребят научит? Ходят по району, узнают, кто где в войну голову сложил. Надо, понимаю, помнить и чтить. А вот за что? За что погибли? Эх, учителя жизни.

— Начальство у нас в районе подслеповатое, — сказал Алексей. — Вас давно бы — на простор, на колхозную усадьбу... Там бы размахнуться! Вы не напрашивались?

Дядя поглядел косо, хмыкнул в сторону.

— Чудно говоришь. Я не председатель, не учитель и даже не бригадир, а простой хлебороб. Сам себе агроном и пахарь. Я показал, что эта земля дать может. Пусть ходят ко мне, я не супротивничаю, глядят, изучают, на зуб пробуют, землю и людей уважать научаются. Пока живы мы, старые хлеборобы. Люблю поработать, общество люблю, не бирюк какой-нибудь... — В голосе его закипела обида. Поглядел на солнце, на дымок, что кучерявился над трубой кухни-летней. — Пора бы уж и поесть. Пойдем. Пишут, говорят: старики, мол, мудрые. А откуда она, мудрость, берется? То-то!

Тетка суежилась возле сарая у приземистого столика, стоявшего в тени у кухни. Сели на маленькие скамеечки.

Принарядился тетушкин дом, окреп и потолок: с крыши до земли сбегает жестяные желобки, голубеют новые с запорами ставни, сверкает под солнцем застекленная веранда.

Во дворе суежились проворные куры, важно вышагивали гуси, у забора тяжело и неуклюже топтались робкие утки. Цыплята прыгали на стол, клевали хлеб.

Дядя и племянник, каждый для себя, готови-

Ш А О К Р А

из-под одеяла руки, зашевелит пальцами (так сатана шевелит ребрами). Становилось страшно. Алешка укрывался с головой.

Нет в живых дяди Андрея. Простыл в мастерской зимой, долго болел и умер. Идут годы. Теперь там новый хозяин: тетка вышла замуж. И Полинка вышла замуж — за шахтера. Живет в горняцком поселке.

...На хутор Алексей приехал в полдень. Было жарко, тихо. Лишь где-то далеко за бугром глухо и монотонно урчали машины.

Прошел знакомой дорогой. Разросся хутор, частокот и побеленные дома помолодели его. На пустыре, на месте длинного сарая, где бывало, крутили кино — и Алексей не раз сидел там с хуторскими ребятами на притоптанной соломе, — стоял клуб, высокий, белый, под шифером. Бывший магазин отвели под тарный склад, рядом построили новый, кирпичный, с большими окнами. Еще издали Алексей увидел тетушкин дом. Пузатый, приземистый, с закрытыми наглухо ставнями, он, казалось, придремнул в полдень. За домом — два сарая под красной черепицей, новая кухня-летняя, разросшийся сад, высокий плотный забор. Помнится, несколько яблонек Алексей посадил вместе с Полинкой и дядей Андреем.

Хозяева были во дворе, ковырялись за кухней-летней.

Алексей толкнул калитку.

— Кажись, Ле-еша? — приложив ладонь к бровям, протянула тетка, и робкая улыбка скользнула по ее загорелому лицу. Шагнула и, будто испугавшись нежданной встречи, остановилась. Вытерла руки о замызганный передник и крикнула мужу:

надо. И любит-то она, чтоб за нею ухаживали, как за бабою. Само естество требует. Так-то, племянник. Пойдем, покажу. — Дядя широко шагнул через окученный рядок картошки на узкую тропку. Проходя, он нагибался, поправлял растопыренные веточки ботвы. У высоких кустов винограда остановились. Тяжелые гроздья сизовели на солнце. — Это ранний. — Хозяин вытащил из кармана изогнутый нож, отрезал гроздь. — Попробуй. Это я чубуки с Кубани привозил. А вон тот — зеленый — в прошлом году обломный был.

— Сладкий, — похвалил Алексей, отщипывая ягоды.

Дядя присел, захватил горсть влажной земли у корней винограда, распрямился.

— Гляди, какая земля. Ты скоро агрономом станешь, должен понимать. На сухом песке и то щавель и краснотал растет, а эта земля самого черта родить может. Руки приложить надо. Камень ничего не рождает, да и тот в дело идет: фермы строят. Вот вы, молодые, смена наша, кричите про эту самую... про любовь к земле. А она, любовь-то, вот где. — Он пошевелил растопыренными пальцами, комки земли просыпались. — Да вот тут. — Дядя сжал серые пальцы в кулак, стукнул себя в грудь. — Наука наукой, а ежели к земле без сердца... очерствеет она.

— Усадьба богатая. Можно сказать, многоотраслевая.

— Тут есть все, чем человек живет.

— Не душно ей, усадьбе? Забор высоковат. Свежему ветерку разгуляться негде.

*Дядя скользнул взглядом по усадьбе, не отвел.

ли окрошку. Хозяин взял луковичку, хлестнул длинными стеблями цыплят, ругнулся:

— У-у, нечистая сила! — Вытер тряпкой угол стола. — По этой погоде квас холодненький в самый раз. — Он скрутил стебли лука в пучок, покрошил в тарелку с квасом. Тетка поглядывала на племянника, Алексей видел в ее глазах скрытую радость, блеснет она и опять потухнет.

Она кормила птицу. Курам дала ячмень и кукурузу. Пригоршнями кидала из огромного выщербленного чугуна проваренные отруби уткам и гусям, отнесла в ведре пойло пороссятам в сарайчик.

Пробежая мимо стола, спрашивала у Алексея:

— Мать не хворает?

— Нет. Спасибо.

— Где же она?..

— Там же. На ферме.

— Ну, а тебе сколько осталось мучиться? Кыш, черти ненасытные...

— Мучиться? — Алексей усмехнулся. — Два года осталось.

— Не женился? Гляди, не привези в белых перчатках какую... Тю, дуреха старая, куда ты их ведешь? — закричала тетка на квопку. — Хотели тебе посылочку... Нат... жрите... Хотели, говорю, посылочку, да разве за этими чертями выкроишь время? Где работать-то будешь?

— В своих краях.

— Мыкаться нет резону, — посоветовал дядя. Он подливал квас из кувшина, ел молча.

Тетка управлялась по хозяйству, вытерла руки о завеску, подошла к столу, села на краешек табуретки.

ШНЕ

— Поинка-то у вас часто бывает?
— Весной приезжали,— сказала тетка.— Не в ладах мы с нею.

— Муж-то кто?

— Техник какой-то по горняцким машинам,— ответил дядя.— Горячий парень. Образованный, да, видать, переучился на один бок. Приезжал, жить учил. Хе-хе... Что им, шахтерам... Привыкли брать, выгребать из земли готовое, что тыщи лет нетронутым было. Вот и вся заботушка. Отчего ему хозяином-то быть? Никогда ничего не растил, не выхаживал.

Алексей глядел на тетку, и ему не верилось, что перед ним она, его родная тетушка Матрена. Ссутулилась, почернела.

— К вам можно скоро приводить на экскурсию будущих животноводов,— простодушно сказал Алексей и внимательно, в упор поглядел на дядю.

— Что такое наша держава?— спросил дядя. Помедлив, поглядел на проулок, склонил голову набок, начал рассуждать: — Вся наша большая держава состоит из семей. И если каждая семья,— он сжал пальцы,— будет дружной — все заодно — богатой, стало быть, вся страна будет богатой. Верно? К тому идем. Сытнее человек ест — он веселее, здоровее. Никакая хворь к нему не пристанет. А здоровому не страшно и на дно морское и к звездам. Так я понимаю?

— Вроде бы и так.— Алексей положил ложку, задумался.— Да как-то все не с того боку...

— Ну-ну...— Дядя склонил голову, пожевал губами. Тетка пугливо поглядывала то на мужа, то на племянника, шевеля жесткими пальцами, нащупывала на столе кусок хлеба.

Не хотелось Алексею при первой встрече обижать дядюшку. Да и тетка делала знаки: кривилась, мелко трясла головой, жалостливо глядела в глаза племяннику.

— Богатство бывает разное,— все-таки сказал племянник.— Да и богатеют тоже по-разному.

— Хм. Верно. Всяк по-своему, испокон веку так,— согласился дядя.— Мы живем, как умеем. Машины и мотоциклы не покупаем, но и обедать к соседям не ходим.— Он потер ладошки, крикнул, поднялся. Поднялась и тетка. Стоя, выпила кружку взвару. Они торопились на ток, за хутор, где веяли и грузили зерно в машины.

— Бригадир просил, чуть не в пояс кланялся,— сказал дядя.

В выжженном сизом небе — ни облачка. Подувал горячий, пыльный ветерок. Утки залезли в огромное каменное корыто, барахтались в нем, грязные куры присмирели, присев вдоль плетня.

Алексею поручили до вечера покормить птицу и поросят.

— Зерно на чердаке, пойло на кухне,— торопливо наказывала тетка, рассовывая тарелки и кружки на полках низкого комода. Подошла ближе, шепнула: — Захочешь есть — в погребе молоко, квас, яйца.— Уходя, крикнула с проулка: — Кобелю хлеба кинь!

...Хозяева вернулись засветло. Дядя вытер рукавом лоб, поглядел в небо:

— Эх, дождика бы...— Покосился на Алексея, устало взял ведра.

— Куда это вы?— спросил Алексей.

— Огород полить,— не оборачиваясь, ответил хозяин.

— Я помогу,— вызвался Алексей.

Дядя обернулся, довольно усмехнулся в бороду.

— Городскому это полезно. Вместо физкультуры.

— Так вы поливайте, а я за травой сбегая,— живо распорядилась тетка, взяла мешок, серп и поторопилась в сторону речки.

Поливали капусту, огурцы, помидоры. Крупные огурцы и побуревшие помидоры были прикрыты капустными листьями. Алексей крутил ворот колодца, дядя носил полные ведра, жаловался:

— Плохая нынче овощ: сушь. Эх, не то, что в прошлом году.

Он выливал воду не торопясь, удивлялся вслух:

— А земля-то, земля, ну как живая пьет водичку. Измучилась, истомилась. Пей, пей. Хе-хе... Вот вы там все про любовь... А с чего она начинается? Вот с этого самого... Ты стараешься, и земля в долгу не оказывается. Копаешь, поливаешь, ан, глядь, по осени — огурчики, помидорчики. Свеженькие, умытые. Любо поглядеть. Ну, а ежели на базаре все покупать — откуда она, любовь будет? Или в магазине, что уж прошло через десяток рук. Проклянешь отца и мать, что на свет родился. Я в магазин редко заглядываю. Эх, люблю в земле ковыряться. Порядок люблю. Вся наша порода — хлеборобы завзятые. Земля — клад и всегда в цене. Кубышку украсть могут, а земля... Да-а... Парень ты, я вижу, с понятием и покладистый, с начальством поладишь. Да вот холостой. Женишься — все поймешь. А мужик в семье — всему голова. Муж — хозяин, муж — добытчик. Женись! Да бери свою! Понял? Селись подальше от паровозных гудков: льготнее. Я говорю это к тому, что ежели, конечно, любишь землю. Дети будут. А хозяин от хозяина идет. А то приезжают из городов к отцам молодые, хе, наследники, а сами норовят крыжовник так сорвать, чтоб не наколотся. Они давно чужие.

Алексей на этот раз сдержался. Хотелось выслушать до конца новоявленного дядюшку. В роду такого не было. Дядя поставил ведра, выпрямился.

— Читаю я газеты. Письма есть чудные. Правда, таких не густо. Один парень, видать, зеленый, не клятый и не мятый, спрашивает: для чего живем, дескать, какой резон во всем этом? Зачем на землю пришли? Правильно, конечно, задумываются, прикидывают, что к чему и для чего. Но вот не свихнулись бы от дурных думок. Вот что... А промежду строчек — догадаться можно, — ему, вишь, все не нравится. Похлебки не глотал, а уж затошнило, ничего не сделал, а уморился. Ну какой он хозяин на земле? Так... сбоку припека. Другие делают, а он кормится. Видал я таких. По мне, чего тут гадать? Родился — живи, белому свету радуйся, спасибо родителям скажи, что свет увидал. Старайся на земле, ежели себе не лиходеи. Оно хоть и полсотенки лет, а пожить на земле интересно. Я прожил шесть десятков с гаком. Всякое было — и хорошее и плохое, а не жалкую. Не прочь годков двадцать — тридцать такой вот жизни прихватить.

Стало темнеть. Тетка подоила корову, схватила ведра, прибежала к колодцу.

— С кормом прямо-таки беда. Все кругом запахали. Хоть сбывай корову,— жалостливо проговорила она. И тише: — Кормим хлебом, а ить это грех. Да уж и осточертела она мне. Отдохнуть бы от нее, проклятой, хоть годок. Пальцы зудят, поясницу ломит. Побегу когда-нибудь с мешком, упаду и не поднимусь.

— Продайте,— посоветовал племянник.— У вас ведь телушка есть.

— Да уж и не знаю, что делать...— И просящим взглядом посмотрела на Алексея.

— Уехать бы вам... Хоть в станицу. Отдохнуть.

Тетка не ответила. Мокрыми пальцами пригладила серую прядь волос.

У Алексея горели ладони и ломило спину: давненько не крутил вороток.

Уже заканчивали поливать грядки, огуречные лунки, как вдруг дядя Аким буркнул что-то тетке, схватил лопату и поспешно стал обкапывать деревья. Сделав у стволов ямки, он одно за другим вылил в них по несколько ведер. Боком пробираясь к забору, плескал на кусты крыжовника, на малину, сокрушался:

— Желтеют листочки, желтеют бедняжки, а вроде бы и не пора.

Вечеряли у крылечка при лунном свете.

Хозяин пошелестел в кошелке с луком, вытащил бутылку, заткнутую газетной пробкой.

— Хе... Хе... Своего изготовления. Тетка твоя опыт проделала. Давай отпробуем.

Выпили по рюмке сладкой тягучей настойки.

— Ты там, в городе, не чаистишь с этим?— Дядя стукнул ногтем по рюмке.

— Нет. Не до этого.

— Молодец. Человек, он на то и человек, чтобы собою управлять. Он разумный. Все лишнее по боку. Вот, к примеру, табак. Принесит вред? Да. Зачем он? Бросить. Это интеллигенты, белоручки придумали для потехи, чтоб время убивать на заседаниях да перекурах. Дым пускают и думают, что делом занимаются. А эти дурные привычки и на простой трудовой люд перекинулись.

Торопливо ели холодную картошку в мундирах, запивали парным молоком.

— Ты каким же чином станешь?— спросила тетка племянника.

— Не чином. А всего-навсего агрономом.

— Нынче в колхозе работать мо-жно,— протянул дядя.— Ежели, конечно, с головой... Старайся — не ленись.

Помолчали.

— Вам бы уж и на отдых пора,— заметил Алексей, поглядывая на хозяев. После работы оба выглядели усталыми.

— Правда твоя,— подтвердил дядя.— Да привыкли мы... Жить в заботах веселее. А потом сидеть-то дома неприбыльно. Домой мне никто не принесет. Коровенка последние дни прихварывает, поддержать нужно. Опять же начальство всегда лошадей даст на базар в станицу съездить, на мельницу. А по нынешнему году и подавно сидеть не приходится. Сам рассуди.

— Да-а...— задумчиво протянул Алексей.— Есть о чем порассуждать.

— Ты ешь, ешь. Размышлять будешь опосля, в городе.— Дядя подсовывал племяннику морковку, репу.— Пользительная штука.

— Наелся. Спасибо.

Дядя, шумно сопя, выпил кружку молока, стукнул ею по столу, командовал:

— Спать! Завтра подниматься рано.

Алексею постелили на веранде.

...На дворе было еще сумрачно, когда тетка захлопала дверью, загремела ведрами. А потом заорали гуси, закудахтали куры, жалобно замычал теленок. Послышались сердитые вздохи дяди. Он поднялся, протопал по ступенькам крыльца. Совсем рядом, у веранды, женский голос окликнул тетку:

— Мотя, подойди.

— Чего тебе?— тихо спросила тетка.

— Мотюшка, выручи,— зашептала женщина.— Петяшка мой захворал, младшенький. Третий день ничего в рот не берет. Исхудал, бедненький. Винограду просит. А где я его возьму? Испокоен веку не сажам. На базар — далеко. Кисточку бы. Уж я отблагодарю.

— Погоди.— Тетка Мотя глянула по сторонам, метнулась на усадьбу.

Хуторянка нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, шмыгала носом. Алексей глядел ей в затылок через тюлевые занавески. Подскочила тетка, из кошелки вывалила соседке в фартук крупные кисти скороспелого винограда.

— Спасибо тебе, Мотюшка. Век не забуду.

— Иди, иди...— шептала тетка, толкая в плечо соседку.

Одеваясь, Алексей взглянул в окно: из-за угла сарая высунулась крепкая дядина рука, растопыренные пальцы схватили худое плечо тетки. Он рванул ее за рукав. Они скрылись за углом сарая, загомонили. Послышался короткий всхлип. Алексей надел штаны, хотел было выскочить во двор. Потом увидел, как тетка, пробегая к погребу, зацепилась широким рукавом за кувшин, что сушился на колу плетня. Схватила кувшин и, высоко подняв руки, ударила его о землю, схватила другой, третий. Дядя, вытянув шею, с изумлением глядел на жену. Потом он гулко затопал по ступеням, распахнул дверь на веранду, не глядя Алексею в глаза, спросил:

— Ну, как спалось?

— Хорошо. Да вот сон плохой видал: будто над вашим двором коршун опустился и унес цыплят. К чему бы?

— Сны всякие бывают... А коршун, он могёт. Хищный. Эх, а погодка-то, погодка-а... на рыбалку бы да потом ушицы... свежей. Эх, любил я бывало... Да теперь некогда... Надо уголь и дрова в сарай потаскать, двор вычистить.— Дядя сжимал и разжимал пальцы, сопел шумно.— Пойдем завтракать.

Тетка дрожащими пальцами расставляла тарелки и кружки. Алексей отхлебнул молока, поставил кружку.

— Чего не ешь?— тихо спросила тетка, глядя в стол.

— Не хочется.

— Городские завтракают поздно,— объяснил дядя.— Может, рюмочку... для аппетита? В сундуке, кажись, есть...

— Ни к чему.

После завтрака Алексей поднялся, поблагодарил тетку, кивнул дяде и побрел к берегу.

Солнце полыхало над высоким бугром, густо поросшим красноталом. На верхушке бугра сверкал обелиск. На ровную гладь воды больно было глядеть. Алексей остановился и увидел торчащие из кустов талы удочки. Совсем рядышком перешептывались ребяташки. Он прошел по мокрому песку и молчаливо уселся возле рыбаков. Долго глядел Алексей на поплавки, потом спросил:

— А это ваш дружок Петяшка в больнице лежит?

— Ага. У него в грудях болит что-то.

— Мать его приходила к дяде Акиму. Он дал ей для Петьки винограду. Вы бы отблагодарили дядю. Уху он любит.

— Поймаем!

— Расшибемся, а поймаем!

— Мы за Петьку!

— А вы, дяденька, у него живете?— взглянув искоса, спросил вихрастый.

— В гости приехал. Заходите вечером, он рад будет. Ну, и спасибо ему скажете.

— Придем, как свечерует.

А вечером гурьбою на тетюшкин двор припожаловали ребяташки. И каждый — с длинным куканом.

— Здравствуйте!— вскрикнули хором.— Мы с рыбой к вам, дядя Аким.

— Чего? Продавцы? С доставкой на дом?— усмехнулся хозяин, сидя за маленьким столиком.— Можно... на варено...

— Мы за так отдаем.

— Это как же понимать?

— Спасибо вам, дядя Аким, за виноград. Петяшка-то, что хворает, дружок наш. За виноград вам поклон прислал. В одном классе мы...— Вихрастый оглядел своих дружков.— А вот это городской, к нам на каникулы приехал.

— А-а... ишь, сорванцы... Гм... Что удумали. Алексей следил за каждым движением дядюшки. Тот не глядел в глаза племяннику и жене.

— Мать, ты посудину найди. Да и ребят угости... За труды.

— Вы, ребята, дядю Аким не обходите,— громко посоветовал Алексей.— Человек он знающий и добрый. А вам надо ума-разума набираться. В школу бы его пригласили огород ваш посмотреть.

— Скажем учительнице,— пообещал вихрастый, снимая с кукана рыбу и бросая ее в огромную чашу.

Дядя поднялся, подошел к кучке длинных сухих красноталинок, зажимая в руках по две, по три, начал ломать их через колено и швырять к дровосеке. А тетка щедро одаривала ребят — совала им в руки крупные кисти винограда.

Провожая школьников за калитку, Алексей опять расхваливал дядюшку:

— С виду он хмурый, а на деле добрый. Мастер и по железу и по дереву. В огородном деле толк знает... Так что вы, ребята, не стесняйтесь. Он сам обещал подмолнуть школьникам. Рад будет.

— Мы не побоймся.

— Завтра опять придем.

Дядя весь вечер ходил по двору, откашливался, гремел без надобности ведрами, ругал назойливого кобеля. Алексей ждал, что вот-вот дядя поведет разговор о земле и о любви к ней. Но хозяин молчал.

Рано утром дядя тихонько поднялся и зашагал на виноградник. Вернулся и лег, что-то

бормоча себе под нос. А когда взошло солнце, под окном загалдели ребята.

— Здравствуйте, а это мы!— звонко оповестил ребячий голос.

— Чего ж, проходите, ребятки,— пригласила тетка.

— Мы посидим, нашу учительку подождем.

Дядя вдруг забежал по двору, а потом шмыгнул в дом и лег в постель.

— Прихворнул он,— объяснила тетюшка.— Расстроился.

— Может, доктора позвать?

— Не надо, с ним уж было такое, когда хотели у нас землю отрезать. Ничего, выводится.

Алексей вышел на крылечко, объявил ребятам:

— Вот какое дело, ребята. Прихворнул дядя Аким. Не вовремя слег. Может, подмогнем маленько? Надо уголь в сарай поносить, дрова, чтоб не мокли под дождем. Дядя Аким в долгу перед вами не останется.

— А мы враз!— с готовностью заявил вихрастый.

Четверо ребят, взяв ведра, почти бегом, ходя по кругу, таскали уголь. Тетка глядела на ребят да все советовала:

— Вы не спешите, не надо, деточки. Ой, уж я вам таких пышек испеку.— И шустро бегала от калитки до кухни, то и дело поправляя на голове легкий платок. Она, казалось, забыла, что есть у нее муж Аким с его заботами и хлопотами, есть большое, неутомимое хозяйство. Разговорилась она с ребятами, в глазах ее появился озорноватый блеск. И она опять походила на ту молодую тетюшку — говоруху и певунью.

Ребята раскраснелись. Алексей иногда вскидывал голову, взглядывая на окна: дядя подходил к окнам, и тогда на одном иногда чуть отодвигалась занавеска.

Соседи, проходя мимо, останавливались, глядели с недоумением.

После завтрака мотыгами и лопатами школьники чистили двор. На другой день условились привезти на тележке глину из балки — обмазать дом и землянку, пока стоят погожие дни.

До конца недели ребята коготились во дворе тетюшки. Они съели весь скороспелый виноград, но выкопали картошку и стянули в кучу ботву, разровняли усадьбу. Алексей купил в сельпо дорогих конфет, кулек вручил вихрастому.

— Дядя Аким просил передать вам.

— Спасибо.

— Ежели что надо, мы всегда...

Приходила учительница — молодая толстуха с короткой стрижкой, да все ребят нахваливала. Предложение Алексея — не обходить дядюшку и воспользоваться его услугами — приняла с радостью. Алексей чувствовал, что дяде Акиму уже в тягость валяться в постели и лежать хлебать из тарелки щи.

Пора было уезжать. В субботу утром Алексей объявил:

— Поеду я. Нынче.

— Чего так?— спросила тетка.

— Работать надо.

— И то верно,— сказал дядя и зло посмотрел в глаза Алексею.— Всем нам работать надо. Вылеживаться некогда. Каникулы — для лентяев.

— Приеду к вам попозже. На консультацию. Когда виноград собирать начнете. Да пригласи друзей с собой. Да и колхозы наши соревнуются. Будем итоги подводить.

— Это, конечно, можно,— прохрипел дядя. Алексей накинул пиджак на плечи, закурил. Тетка сунула племяннику узелок в жирных пятнах, зашептала:

— Возьми. Тут масло свежее, вчера сколотила, сальце. Тяжко мне с Акимом. Старая в нем закуска, любит, чтоб ему завидовали, и доказать хочет, что мастеровой он, хозяин и что зря выселяли. Зайди к Полинке,— тетка сгребла со стола крошки хлеба,— пригладись к зятю. Может, и зря я страшусь. Не раз думала — уеду, да все откладывала.— И тихо, мечтательно:— Да и скоро ребеночек у них будет.— Ее глаза наполнились слезами, но тетка улыбалась, глядя мимо племянника.— Он-то ничего зять, Виктор, грамотный, работающий, да вот поспорить, поговорить про жизнь ему завсегда хочется. Неумный какой-то...

— Забегу. Завтра же.

Алексей поднялся, пожал тетюшке руку, пошел к калитке.

ЧЕСТЬ ТРУДУ

Уже несколько лет существуют тесные связи между подмосковным городом Пушкино и городом Кутна Гора в Чехословакии. Эта дружба зиждется на деловой основе. Друзья обмениваются опытом работы партийных организаций, органов государственного управления, предприятий, школ. Сейчас в районе 33 коллективных члена Общества советско-чехословацкой дружбы.

Стало доброй традицией ежегодно посылать комбайнеров на уборку урожая в Чехословакию, в Кутнагорский район. И оттуда приезжают механизаторы. Так, комбайнеры Ян Свобода, Вацлав Веселы, Йозеф Крупичка работали в колхозе «Путь к коммунизму» и на госплемзаводе «Лесные поляны».

— Каждое лето наши пионеры отправляются в чехословацкие лагеря, а кутнагорские ребята отдыхают здесь, — рассказывает первый секретарь Пушкинского горкома партии Е. Аврусин. — Мы обменялись выставками «Пушкинский район за 50 лет» и «Кутнагорский район за 25 лет». В нынешнем году предстоят поездки учителей,

врачей, работников торговли. Ко Дню Победы концертная группа из Пушкина поедет в Кутна Гору, а друзья нанесут ответный визит.

Не так давно в горкоме партии проходила выставка, посвященная юбилею Общества советско-чехословацкой дружбы.

В дни празднования 25-летия февральской победы трудящихся Чехословакии над реакцией состоялся кинофестиваль.

Сейчас в Пушкинской районной библиотеке организована выставка прикладного искусства. Ее экспонаты прислали в подарок к 50-летию образования СССР жители Кутнагорского района.

Плодотворно сотрудничают Мамонтовский химический завод Пушкинского района и национальное предприятие «Сазаван» в городе Зруч на Сазаве (Кутнагорский район). Ежегодно эти коллективы заключают договор о социалистическом соревновании и содружестве. И, как правило, намеченное успешно претворяется в жизнь.

В прошлом году на Мамонтовском химзаводе гостила группа специалистов с пред-

КОНКУРС

1948-1973

ПУТЕШЕСТВИЕ

ОТОНЕК

В ИСТОРИЮ ЧССР

приятия «Сазаван». Инженер Йозеф Веселы помог разработать конструкцию дозатора для отходов поролон. Мастер-обувщик Ярослав Плешингер вместе со слесарем-наладчиком Николаем Уткиным отремонтировали 14 прессов чехословацкого производства. Слесарь-инструментальщик Йозеф Фереш сделал пресс-форму для мужской модельной обуви.

В свою очередь, посланцы Мамонтовского химзавода начальник конструкторского отдела В. М. Плотицын, слесари

Н. Ф. Засечкин и В. А. Бабурин побывали на «Сазаване».

Недавно труженики Мамонтовского химзавода принимали директора этого предприятия Радомила Неквинду, секретаря парткома Юрия Павела и председателя профкома Йозефа Брабеца. Подвели итоги соревнования за прошлый год и подписали договор о соревновании и содружестве на 1973 год.

Многие товарищи переписываются с чехословацкими друзьями. Вот строки одного из последних писем директора «Сазавана» Радомила Неквинды: «Мы высоко ценим дружбу с Мамонтовским химзаводом. Обещаю от имени руководства и партийной организации применить опыт, полученный на этом предприятии, в нашей работе».

Посылаю привет всему коллективу, желаю успехов в выполнении плана 3-го года девятой пятилетки, в построении коммунистического общества и в борьбе за мир.

Честь труду!»

Р. ЯГАНОВ

Советник посольства ЧССР в СССР Я. Гадравек (справа) на встрече с активистами Общества советско-чехословацкой дружбы в городе Пушкино.

ОТ КИЕВА ДО КАРПАТ

В 1944 году я воевал в Карпатах. Находясь непосредственно на переднем крае, мы не могли окопаться. Даже на вершине горы вырыть окоп глубже, чем на штык, невозможно: земля была перенасыщена влагой, и окоп сразу заполнялся водой. Малейшее движение замечали вражеские снайперы. Мне, командиру отделения разведки полка, приходилось неоднократно бывать в расположении гитлеровцев и доставать необходимые данные для нашего командования. За участие в ряде удачных операций в Карпатах меня наградили орденом боевого Красного Знамени.

После форсирования Шпрее, когда наша 12-я бригада РК вел упорные бои на подступах к Берлину, был получен приказ — немедленно выступить на Прагу. Там началось восстание. Продвигались по автостраде, где можно — на

больших скоростях, а где — с боями. Никогда не забуду, как нас по-братски встречали в первом чехословацком селении. Переехали мост через небольшую горную речушку и увидели группу людей, размахивающих руками и восторженно приветствующих советских солдат. Люди подбежали к нам, подняли на руки и так внесли в селение. Там уже были заранее расставлены столы с яствами. Пришлось произнести короткую речь. Я сказал, что наша цель общая — разгромить гитлеровских извергов, которые принесли народам столько горя и страданий. Это была незабываемая встреча! На всем пути к Праге жители населенных пунктов помогали, чем только могли, показывали, где укрываются остатки вражеских войск.

За участие в уничтожении танковой группировки противника в лесах на подходе к Пра-

ге я был представлен к ордену Славы III степени, который мне вручили позднее, в Кладно.

Наконец, мы ворвались в Прагу и продвинулись даже на несколько километров дальше, когда узнали, что подписан акт о капитуляции и наступил долгожданный мир. Наша часть около двух месяцев находилась в Кладно. Я еще лучше узнал замечательных людей Чехословакии.

Пришлось мне также воевать совместно с чехословацкой бригадой, которой командовал Людвик Свобода при освобождении Киева в 1943 году. Форсировав Днепр, мы с ожесточенными боями медленно продвигались в направлении Киева. В те дни я увидел впервые чехословацких товарищей в новой национальной форме. На наблюдательном пункте мы были рядом в одном блиндаже. Хорошо помню Людвика Сво-

боду, энергичного, улыбающегося.

На второй день после освобождения Киева меня ранило, и до Карпат я не встречался с чехословацкими товарищами. В Карпатах мы опять воевали вместе, и не раз приходилось есть из одного котелка. Мы прекрасно понимали друг друга и делились, как братья, всем, чем мог делиться солдат.

Часто на марше запевали наши любимые песни и особенно «Катюшу».

А в Кладно пели чешские песни. Любовались исполнением национальных танцев, играли с местными командами в футбол.

Я часто с любовью вспоминаю дни, проведенные на земле братской Чехословакии. Это никогда не забудется.

Петр ВОЙНИЛОВИЧ

Минск.

А. ЛЕВУШКИН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Павел Аносов, унтер-офицер, окончивший с отличием курс в Петербургском горном кадетском корпусе и «выпущенный практикантом в действительную службу», подъезжал к Златоусту...

Работая на Златоустовском казенном заводе, молодой горный офицер лично обследовал все окрестные горы и урочища, вызнал много полезных мест. Но его мысль металлурга была направлена на выявление еще одной тайны — булата, металла редкостной твердости, красоты и прочности. Аносов ставит один опыт за другим. 186 из них были записаны. Эти опыты во многом способствовали развитию металлургии, в частности производству спецсталей. Был получен и настоящий булат, такой, что превзошел прославленные восточные образцы. Подъезжая теперь к Златоусту восточной дорогой, со стороны Челябинска, видишь золотого крылатого коня — эмблему города... Любовь Семеновна Баландина, сотрудница отдела технической информации завода имени Ленина, демонстрируя экспонаты заводского музея, рассказала о трудных поисках работ старых златоустовских мастеров. И если среди наших читателей найдутся люди, которые смогут помочь в этом Златоустовскому музею, они сделают благое дело...

— Коренные мы, уральские. Помню: чтоб булку белую есть — это лишь по редким праздникам. И то сказать, вся семья — отец, мать да нас пятнадцать, — ведет свой рассказ Василий Михайлович Симонов. — А как уж совсем в Миассе животы подавало, двинул отец всем кагалом на Златоустовский завод. Стали мы на квартиру. Теснота, и спать-то улечься места не хватает.

Симонов достает грудку книжек и альбомов.

— Ну да и я подросток, на завод пошел. В кузнечном нас тогда работало... Дай-ка сосчитаю: отец, мать, братьев шесть и две сестренки. Отец коноводом, мать на подсобе, где придется. А я встал направильщиком... Златоуст-то тогда какой был? Под Косотуром завод да домишки по ложбинкам. Да еще металлургический завод...

Шел 1927 год. К тому времени я уже в комсомоле несколько лет состоял. В специалисты вышел, — продолжает свой рассказ Симонов. — Кузница наша словно помолодела: молоты установили паровоздушные, оборудовали технологическую линию. Главный продукт у нас топор был. Каждый мастер свой топор кует. Мастера-старички привыкли всяк к своему труду — ладно им. А мы решили с Пашей Дударевым создать бригаду — ударную комсомольскую. Делать топор по операциям. Пошли к начальнику цеха. Он ни в какую. Мы к секретарю партчейки... И вот поставили нас двадцать седьмого июля на линию.

Так родилась первая на Урале ударная комсомольско-молодежная бригада, которой руководил В. М. Симонов, ныне почетный гражданин Златоуста.

Сколько событий выпало на долю уральского рабочего городка! Штабс-капитан Павел Матвеевич Обухов, директор оружейной фабрики, осуществил идеи своего предшественника Аносова — здесь были отлиты первые стальные пушки России.

Здесь же, в Златоусте, после упорной стачки в 1897 году, впервые на Урале был введен 8-часовой рабочий день. А спустя несколько лет на Арсенальной площади была расстреляна демонстрация рабочих. В те дни 1903 года «Искра» в заметке «Трагедия в Златоусте» писала: «Число убитых выяснилось теперь точно. 15 марта похоронили шестьдесят девять (69) человек убитых напавал и умерших от ран». «Еще ни разу в России не убивали в один день такую массу рабочих во славу самодержавия».

Много трудных и мужественных лет пережили златоустовцы. Рабочие показали свою стойкость, защищая завод от белых банд в годы революции. А когда страна, побеждавшая разруху, создавала новую промышленность, она потребовала от уральских умельцев и нового, невиданного еще металла. И Златоуст выдал первые в Союзе нержавеющие и шарикоподшипниковые стали.

...Шел второй год войны. Фашисты подступали к Волге, горела Украина. На всех фронтах велись ожесточенные бои. В суровую зиму, памятную жестокими метелями и морозами, люди на правом берегу Ая долбили кирками мерзлую землю. Вставал новый мартеновский цех.

В это же время с одним из поездов приехали орловские мальчишки. Двое из них, Миша Петраков и Миша Гуляев, держались вместе. Жили в холодном бараке, спали одетыми, даже шапок не снимали.

Ремесленное училище № 11 готовило крановщиков, формовщиков, прокатчиков, подручных сталевара. Двухлетний срок обучения был сжат до одиннадцати месяцев, и ребят направляли в цеха.

И недавно вроде это было и давно. Михаилу Александровичу Петракову через три года уже можно на пенсию. Сталевара в пятьдесят лет положено, если есть двадцать лет огненного стажа. А у него и сейчас уже больше тридцати.

На 10-й печи, печи имени газеты «Правда», 2-го электроплавильного цеха работают четыре бригады — Петракова, Андрианова, Бурикова и Гуляева. Того самого Миши Гуляева, теперь Михаила Федотовича, с кем вместе Петраков дощатый барак согревал да вспоминал знакомых с родной Орловщины. Варят в этом цеху специальные сплавы на никелевой основе. Загубить такую плавку — большая потеря. А чтоб провести все, как надо, чтоб, начиная смену, не нужно было нервы трепать, в спешке собирая шихтовые материалы, следует предыдущей смене в свободную минуту обо всем позаботиться. Такой и завели они порядок на печи. И систему расчетную решили ввести общую — единый наряд на все бригады, на всю печь. Как говорится, все за одного, один за всех. Вот так идут дела у Героя Социалистического Труда Михаила Александровича Петракова и его товарищей.

...— Ну а как же все-таки булат? — спрашиваю я начальника центральной заводской лаборатории металлургического завода Г. А. Хасина.

— Булат? Не нужен он больше. Век его кончился вместе с веком холодного оружия. А новая техника потребовала создания новых сталей. Наш завод производит сталь шестистот марок. В две тысячи адресов, в десятки стран идет она.

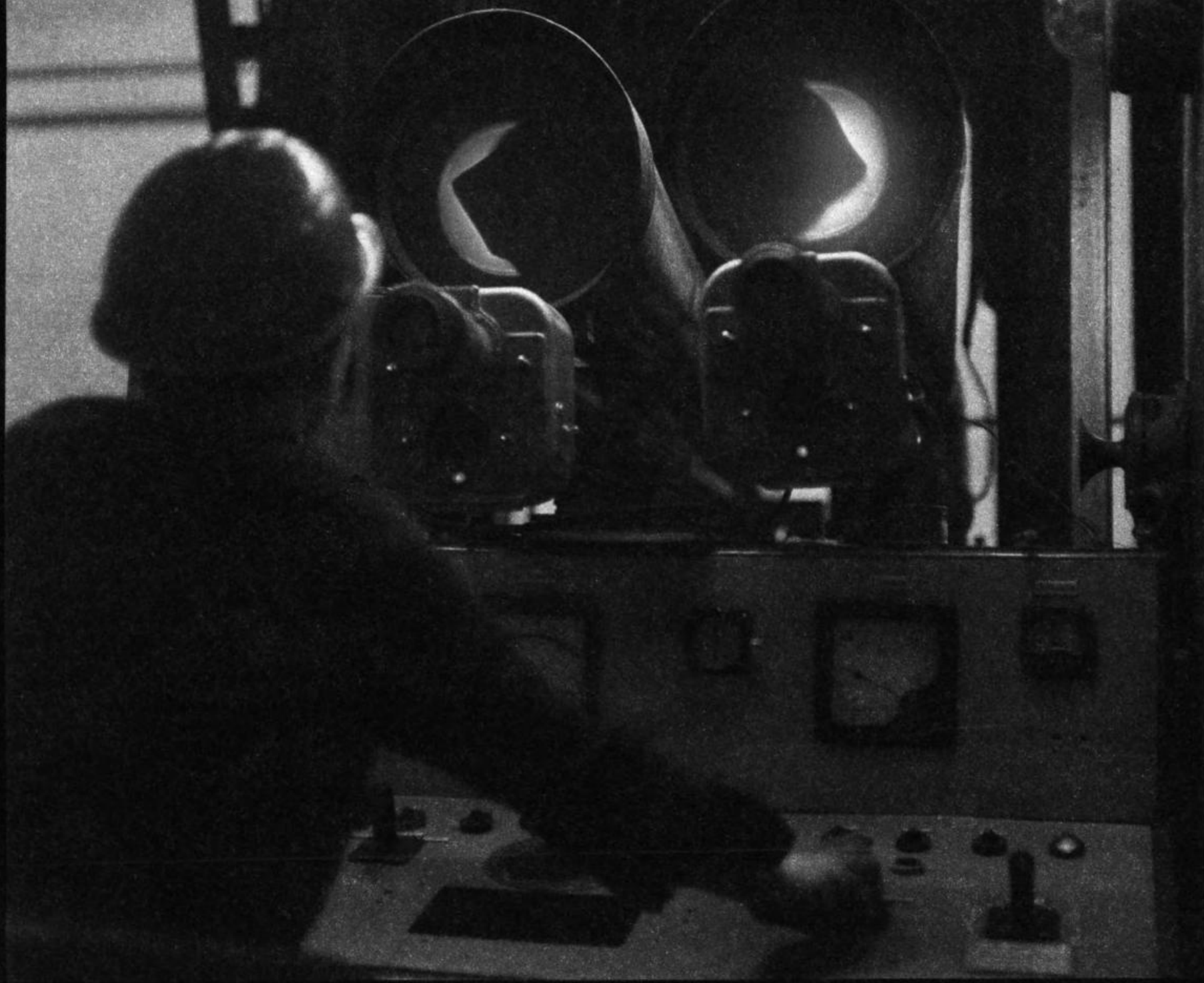
Теперь и не охватить одним взглядом Златоуст — поднялись новые заводы, новые кварталы. Растет мастерство и опыт уральцев, растет рабочий стаж города — огненный стаж.

Современная плавка в вакуумно-дуговой печи мало чем напоминает дедовские методы работы. Но всегда было высоко искусство уральских мастеров. На нижнем снимке — старинная, златоустовской стали сабля.

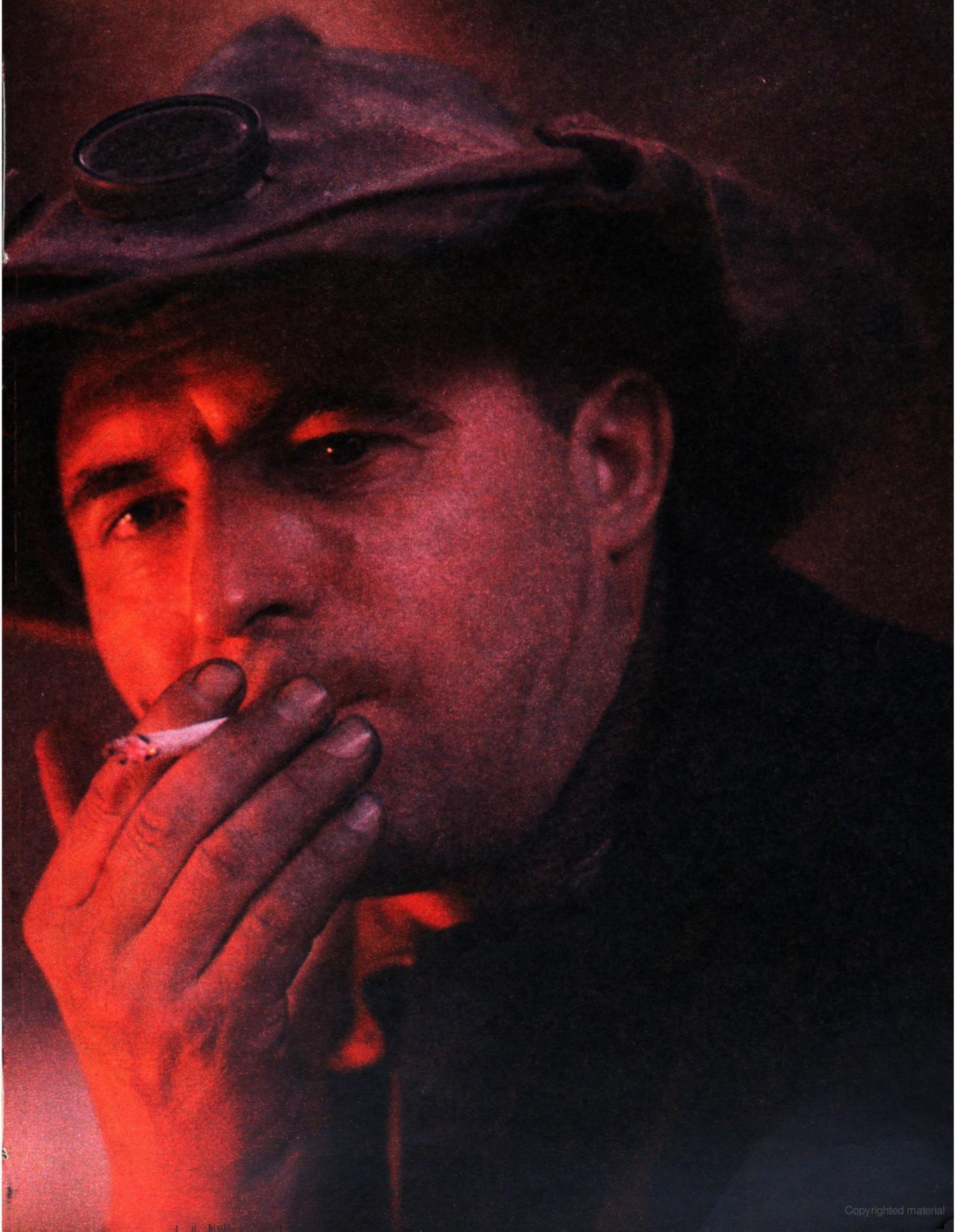
На развороте вкладки:

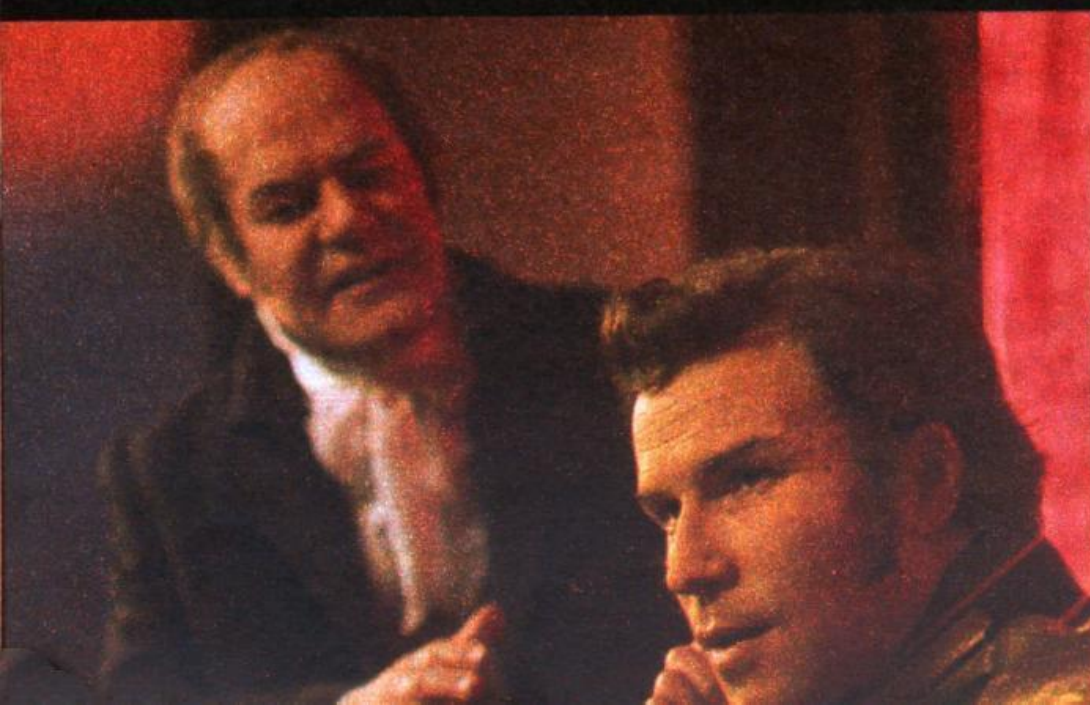
С мальчишек стоит у огня Герой Социалистического Труда сталевар Михаил Александрович Петраков, один из лучших мастеров города.

КРЫЛАТЫЕ КОНИ ЗЛАТОУСТА

НАШ ДЕМЬЯН

Имя его было необычайно популярно. Не найти ни одного пожилого человека, из тех, кому теперь 60—70 лет, чья юность не была бы связана с Демьяном, не ощущала бы на себе живительного дыхания его многоголосой, яростной, удалой, боевой поэзии.

Его знали в заводских поселках и в глухих деревнях, в красноармейских полках и флотских экипажах. Его стихи били, как молот, грохотали, как пушки, поражали, как отточенная сабля. Его именем называли фабрики, первые коммуны и колхозы. Он был и почетным красноармейцем и почетным краснофлотцем. О нем ходили легенды, его повсеместно называли «наш Демьян» и спорили только о том, чей он, каких земель родом — вологодских, смоленских, пензенских. Сам о себе Демьян Бедный писал:

«Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи,
Такой язык не врет».

Он владел разнообразными жанрами поэзии — писал поэмы, басни, эпиграммы, фельетоны, агитки, — напоминала собой мчащийся по стальным рельсам несокрушимый бронепоезд, изрыгающий на врага все виды смерти. Это был истинный боец по своему характеру, темпераменту, жару сердца. Выступая на I Всесоюзном съезде писателей в 1934 году, Демьян говорил: «Я, как чернорабочий, не брезговал в работе никакой темой. Все шло на потребу времени и действия. В 20 томах моих стихотворений не ищите филигранных шедевров. Агитационное мастерство имеет свои законы. Агитатор бросает во вражий стан не розы, а разрывные снаряды».

Однажды его спросили, какое свое стихотворение он считает самым лучшим:

— «И там и тут...», — ответил он, — опубликованное в «Правде» в 1914 году.

В стихотворении всего четыре строки:

«На фабрике — отравы.
На улице — расправа.
И там свинец, и тут свинец...
Один конец!»

Написанное в связи с массовым отравлением рабочих на свинцово-белильных фабриках, оно прозвучало как набатный призыв к бунту, к вооруженному восстанию и мгновенно разнеслось от края и до края России.

Но с Демьяном можно и поспорить. Разве такой шедевр, как его знаменитые «Проводы», положенные на музыку композитором Васильевым-Бугаевым, не стал на многие годы истинно всенародной песней, которая начисто вытеснила старые унылые «рекрутские» стенания молодых парней, отправлявшихся на постылую царскую солдатскую службу? Народ шел защищать себя, свое добро, свою новую жизнь и был горд этим:

«...Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне
Ради бога.
Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?»

Разве его знаменитый «Манифест барона фон Врангеля», над язвительными строками которого хохотали не только бойцы красной России, но и белые солдаты, не явился мощным снарядом по перекопским и чонгарским укреплениям врага? Недаром после окончания гражданской войны поэт был награжден орденом боевого Красного Знамени.

Грянула Великая Отечественная война, и страна снова услышала его голос пламенного агитатора — законный, сильный, как встарь, как всегда. Он выступал в «Правде», в «Известиях», в «Красной звезде», перо его гвоздило врага, издевалось над ним, звало советских людей к победе. 7 ноября 1941 года раздали со страниц «Правды» его вечно слова:

«Пусть приняла борьба
опасный оборот,
Пусть немцы тешатся
фашистскою химерой,

Мы отразим врагов. Я верю в
свой народ
Несокрушимою тысячелетней
верой...»

Владимир Ильич Ленин высоко ценил Демьяна Бедного, его яркий талант. В 1913 году, когда между поэтом и редакцией «Правды» возникли конфликтные отношения, Ленин, находившийся в эмиграции, счел необходимым вмешаться. «Насчет Демьяна Бедного продолжайте быть за», — писал он. — Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковы...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, не можете ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное...» В первые послереволюционные годы Алексей Максимович Горький так определяет отношение к Демьяну Ленина после своих бесед с ним: «Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил:

— Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».

Здесь все строго взвешено, точной и справедливой ленинской мыслью: и похвала и порицание.

Мне запомнилась встреча с Демьяном Бедным в августе 1943 года в гостинице «Москва», где он тогда жил, как и многие другие писатели. Демьян был благодушен, добр, весел, охотно откликался на каждую шутку. Смех его звучал рокошующими, басовитыми нотами. Я ему сказал, что с юных лет наизусть запомнил его стихотворение «Гулимджан», в котором он отхлестал меньшевистских деятелей Чхеидзе и Церетели, отправившихся в 1920 году за подавлянием в Европу для спасения своих «демократий» от большевиков:

«Мы сажился на ишак
И в Париж гулялся.
Клеманса, такой чудак,
Очень нам смеялся.

Гулимджан! Гулимджан!
Знаем свое дело:
Весь Кавказ мы за ляржан
Продаем умело».

Демьян расцвел. «Это стихотворение очень нравилось Владимиру Ильичу», — сказал он. — При встрече со мной он улыбался и спрашивал:

— Ну, что? «Мы сажился на ишак»?»

Демьян с виду казался могучим и несокрушимым. Никак не могла прийти в голову мысль, что через каких-нибудь полтора года его не станет. Но он дожил до победы над фашистской Германией и внес свою долю в святое дело разгрома врага. Победа огнями всенародного торжества осветила последние дни жизни Демьяна Бедного — Ефима Алексеевича Придворова, по происхождению своему крестьянина села Губовки, Александровского уезда, Херсонской губернии.

Современники любовно называли его «наш Демьян». Для потомков он также навеки остался «своим Демьяном» — поэтом, чей талант верно и преданно служил партии, народу.

Ник. КРУЖКОВ

Павел Аносов — имя замечательного русского металлурга — гордость златоустовцев. Памятник исследователю украшает центральную площадь города...

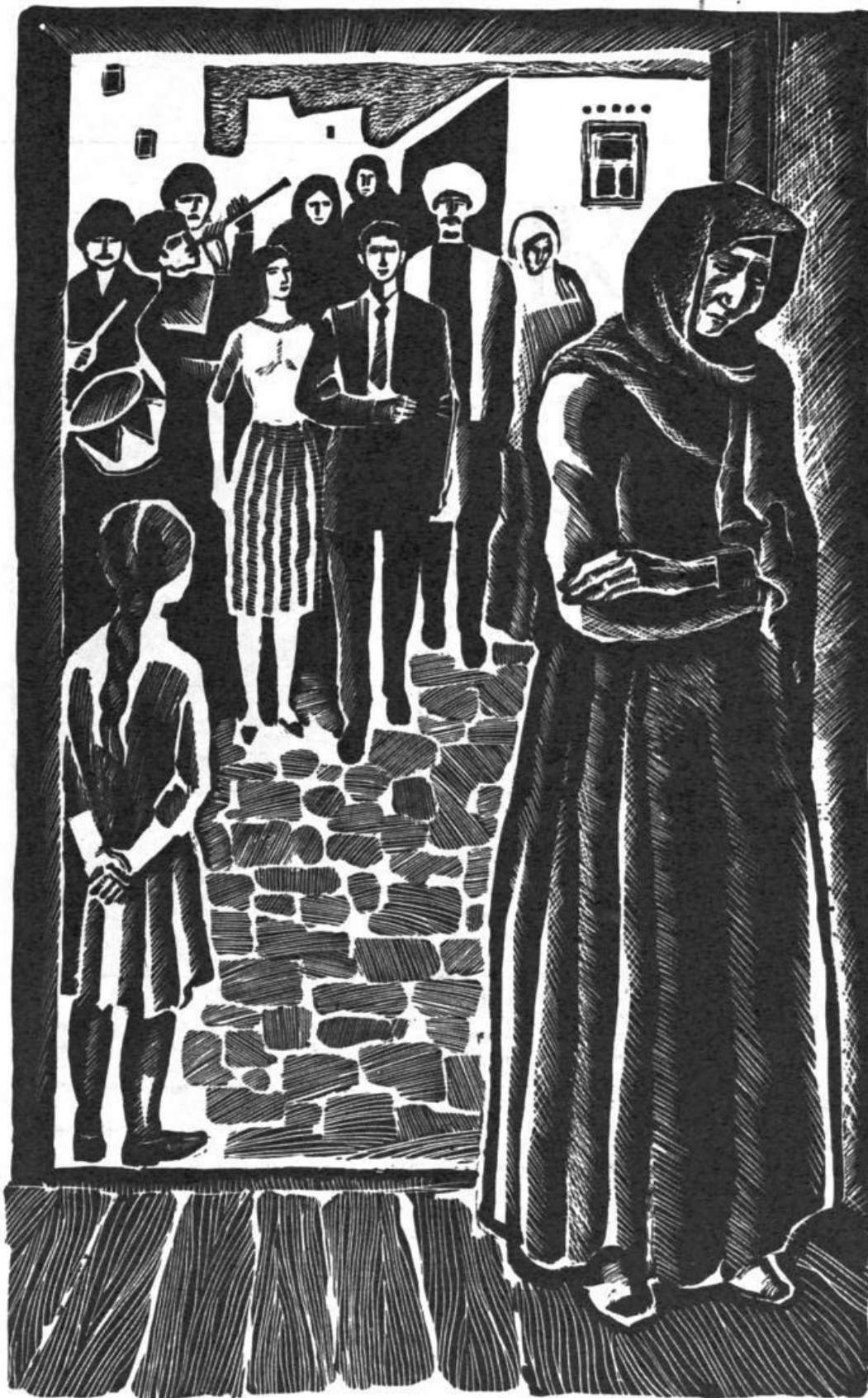
Сергея Семенов, студент индустриального техникума имени П. П. Аносова.

Крылатый конь — символ города — работы

другого знаменитого горожанина, Ивана Бушуева.

Редкое искусство стальной гравюры не забывают и сегодняшние мастера.

Идет спектакль «Отечества мы не меняем». П. Аносов — Павел Маштаков, поэт В. Жуковский — Александр Зайцев.

-Н

5

уцалай-ада! — влетела в комнату Сарат. Глаза ее блестели от радости, как капельки росы под лучами солнца. — Идут! Идут! И наш Усман-Гаджи с ними...

— Замолчи! — вскрикнула, бледнея, Нуцалай.

Сарат осеклась. Конечно, чему тут радоваться, если Усман-Гаджи действительно стал артистом. Тетушку Нуцалай словно каменная плита придавила. Она сидела у стола, тяжело опустив на колени узловатые руки. И надо бы ей, Сарат, разделить печаль тетушки. Она и хотела это сделать, когда увидела Усмана-Гаджи, повзрослевшего, незнакомого будто, шагающим среди артистов. Хотела, но... не могла.

После сердитого возгласа тети Нуцалай Сарат сникла, отошла в угол комнаты. «Почему, почему ада считает, что все артисты плохие люди, как та певичка, которая?.. Разве зазорно быть артистом, если есть талант? — думала Сарат. — У меня вот нету таланта. А у Усмана-Гаджи есть. Если бы у меня...»

Додумать Сарат не успела, потому что к их воротам подошли артисты. И сквозь открытое окно Сарат услышала голос Усмана-Гаджи:

— Вот, друзья, дом, в котором я вырос... Сейчас я обниму мою маму, у которой самое щедрое, самое ласковое сердце...

Услышав эти слова, Нуцалай потянула к глазам конец платка, вздохнула, встала и вышла навстречу гостям.

— Мама! — кинулся к ней Усман-Гаджи, при всех обнял. — А это мои друзья, мама. Пусть они будут и твоими друзьями.

— Пусть будут и моими... — сказала Нуцалай через силу, улыбнулась и стала по очереди с каждым здороваться за руку.

Когда Нуцалай дотронулась до руки высокой красивой девушки с черными бровями, та смутилась как-то, на ее и без того цветущих щеках полыхнул щедрый румянец.

— Хузу, — назвала она свое имя и опустила глаза.

«Скромная девушка, — отметила про себя Нуцалай. — Жаль, что артистка... Ходит с мужчинами из села в село...»

Нуцалай и не заметила, с каким напряжением и тревогой наблюдал Усман-Гаджи за Хузу и матерью.

...Наблюдала за этой сценой и Маржанат. Услышав звуки барабана и зурны, учитель-

Продолжение. См. «Огонек» № 15.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Муса МАГОМЕДОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. ВОРОБЬЕВА.

К ГОРНОМУ ЭХУ

ница бросилась к шкафу, выхватила оттуда лучшее свое платье. Потом она торопливо оделась у зеркала. Лицо ее то бледнело, то покрывалось краской.

Когда со двора тетушки Нуцалай послышались веселые голоса актеров, Маржанат шагнула к окну...

На что не обратила внимания тетушка Нуцалай, то не укрылось от Маржанат. И то прежде всего, как смущенно опустила длинные ресницы эта высокая чернобровая артистка... Маржанат крепко ухватила за подоконник, будто боялась упасть. Так крепко, что пальцы ее побелели.

А на дворе тетушки Нуцалай продолжалась меж тем веселая суета. Нуцалай вывела из сарая овец. Потом подала улыбающемуся парню кинжал.

— Возьмите, Хизри. Или вам это непривычно? — спросила она.

— О-о! — воскликнул парень. — Да это мне все равно что побриться...

Тетушка Нуцалай повернулась и пошла в дом, а парень по имени Хизри, пробуя пальцем остроту кинжала, проговорил, смеясь:

— Это что же, простое гостеприимство или заодно и свадьбу твою мать справить хочет?

— Помолчи! — сказал хмуро Усман-Гаджи, нагнувшись, взяв овец за ноги и повалил на землю.

Веселье во дворе тетушки Нуцалай продолжалось долго, до самого вечера.

— Поддержи огонь в очаге... Сбегай за водой, доченька... Выйми потроха, — то и дело просила она Сарат.

И Сарат делала все... Ей помогала Халисат, с которой подружилась она в последние годы.

— Ой, я думала, что артисты... какие-то такие... необыкновенные, — шептала Сарат. — А они такие, как все...

— Не такие, — возражала Халисат. — Вон та, погляди, которая с Усманом шепчется...

— Хузу?

— Ага... Разве она обыкновенная? Смотри, как она смеется! Разве умеет у нас в ауле кто-нибудь так смеяться? И платье какое на ней!

— Ты права, Халисат... Ты права, — соглашалась Сарат. — Знаешь, у нас карточка есть. Хузу снята с распущенными волосами. Это мне не понравилось. А сейчас она мне нравится.

Когда гости отдавали угощения, Хузу подошла вдруг к Сарат. Девочка обомлела. Даже сердце у нее остановилось от страха и робости.

— Сарат... — сказала Хузу каким-то необыкновенным, как показалось Сарат, голосом. — Усман-Гаджи много рассказывал мне о тебе. Давай дружить.

От волнения Сарат не могла вымолвить ни слова. Язык не повиновался ей. Она только кивнула головой.

— Ну и славно... А... мать у Усмана-Гаджи очень сердитая?

— Что вы, что вы! — Оказывается, Сарат могла все-таки говорить.

— Полюбит она меня?

— Конечно... Вы всем нравитесь...

— Ну, всем, — улыбнулась Хузу. — Всем не обязательно... А ты зачем такие красивые косы под платком прячешь? Не надо.

— Что вы, это неприлично...

Сарат проговорила это и смутилась. Вот сейчас Хузу вспомнит, что она снята на карточке с распущенными волосами, и догадается, что Сарат не нравится эта фотография.

Но Хузу ни о чем, видимо, не вспомнила, не догадалась. Она улыбнулась, погладила Сарат по голове и отошла.

Вечером по дороге в клуб Хузу дала Сарат нести свой маленький чемоданчик с театральным костюмом.

Когда выходили со двора, тетушка Нуцалай поглядела на Сарат неодобрительно.

Но Сарат не видела этого взгляда.

Когда шли по улице, Сарат из-за забора тихонько окликнула Маржанат.

Но девочка не услышала ее голоса.

Сарат была во власти чего-то нового, необычного.

Ей казалось, что сейчас в клубе произойдет что-то такое, после чего люди аула Багдаб уже не смогут жить по-старому, ибо эти люди и вся жизнь будет иной.

И она, Сарат, тоже не сможет...

Пока артисты готовились к спектаклю, Сарат сидела возле сцены рядом со своей подружкой Халисат. Сидели они прямо на полу, потому что скамеек в клубе еще не было. Сиди устраивались парни и девушки, мужчины и женщины. Кто принес с собой из дома скамейку, кто табуретку, а то и просто мешок с сеном. В зале стоял шум, гвалт, смех. Неподдалеку, возле стены, села Маржанат.

Но Сарат ничего этого не видела, ничего не слышала.

— А что, что показывать будут? — толкнула ее Халисат.

— А? — Сарат глядела на закрытый занавес, боясь пропустить то мгновение, когда он дрогнет и раздвинется в стороны. Так, не отрывая глаз от занавеса, ответила: — Спектакль будет... под названием «Умайханат и Айдемир».

— А кто они такие — Умайханат и Айдемир?

— Не знаю. Сейчас увидим.

Когда раскрылся наконец простенький полотняный занавес, в зале установилась тишина. Тишина стояла такая, что Сарат, боясь нарушить ее, остерегалась глубоко дышать.

...И перед жителями аула Багдаб стала развешиваться нелегкая судьба девушки-сироты Умайханат, которую мачеха Асма хотела выдать за нелюбимого человека.

Весь спектакль Сарат просидела молча, не двигаясь, страшась пропустить какое-то слово. Только один раз она встрепенулась и приглушенно вскрикнула, обернувшись к Халисат:

— Смотри, это наш Усман-Гаджи!

— Нет, это Айдемир, — почему-то недовольно откликнулась Халисат.

— Тише! Дайте послушать! — сердито сказала сзади.

Сарат уставилась опять на сцену и больше не отвлекалась. Она забыла, кажется, что в клубе не одна, что вокруг люди, а рядом вот сидит подружка Халисат. Она не слышала ни аплодисментов, которыми зрители награждали Умайханат за ее песни, ни гневного, осуждающего Асму рокота, который то и дело прокатывался по клубному залу.

Судьба Умайханат, которую играла Хузу, в пьесе завершилась все-таки благополучно: она вышла замуж за любимого Айдемира. И когда Сарат наконец поняла, что Айдемир женится на Умайханат, когда она увидела, как на сцене они обнимаются, в ее маленькое сердечко колнуло что-то острое и холодное. Перед ней на сцене были уже не Айдемир и Умайханат, а Хузу и Усман-Гаджи. «Так вот почему... Вот почему Хузу спрашивала днем... полюбит ли ее Нуцалай-ада! Они же... Хузу и Усман, пожениться хотят. А Маржанат?..»

Сарат не видела уже, как закрылся занавес, не слышала, как гремели и гремели аплодисменты.

— Ну, а моя игра понравилась тебе, девочка? — сказал кто-то у нее над ухом, и Сарат очнулась.

Перед ней стоял артист по имени Хизри, который днем резал овец во дворе.

— Да... — прошептала Сарат.

Как Сарат вышла из клуба и очутилась на улице, она не помнила.

Возле клуба еще толпился народ. Послышался голос Усмана-Гаджи:

— Друзья, прошу всех снова ко мне.

— У тебя дорогие наши артисты днем гостили, — возразил ему председатель сельсовета Гитинав. — Пусть и других теперь обрадуют...

Мелькнула Маржанат в своем ярком, праздничном платье и скрылась. Быстро стали расходиться и другие. Затихали, все удаляясь, голоса и смех. Возле клуба остались только Хузу, Усман-Гаджи и Сарат.

— Идем, дорогая, — сказал Усман. — А ты, Сарат, возьми ее чемоданчик. Он легкий.

Сарат знала, что он легкий. «Дорогая... Он назвал ее: дорогая! — думала она, шагая за ними. — А как же теперь Маржанат?»

6

«А Маржанат? Что будет с Маржанат? — размышляла и старая Нуцалай, стоя на балконе своего дома.

Только что Нуцалай рассталась с плачущей Маржанат, только что пришла из клуба.

Да, Нуцалай была на спектакле. Когда сын, Хузу, Сарат и все артисты ушли в клуб, старая Нуцалай не вытерпела, накинула новый платок и выбежала из дома.

Она рассчитывала присесть в клубе где-нибудь в уголке, чтобы никто ее не заметил. Но председатель сельсовета Гитинав увидел ее сразу, при всех схватил за руку и повел вперед.

— Посмотрим, посмотрим, каков наш Усман-Гаджи, — громко говорил он, усаживая Нуцалай. Сам пристроился рядом, посадил на колени трехлетнего сынишку. — Аул Кахаб-расс прославился Махмудом, аул Цада — Гамзатом, селение Кикун — борцом Усманом. Даже аул Чалда, который меньше куриной головы, знаменит в горах. Там родился певец Газимагомед. Может, и аул Багдаб станет известным на всю страну благодаря таланту твоего сына. А, Нуцалай?

— Да ну тебя, — отмахнулась Нуцалай.

— А что? — не унимался председатель сельсовета. — Разве не достоин наш аул, чтобы им гордились люди?

Старый добрый Гитинав очень дорожил честью своего аула. Даже если лошади выигрывали скачку или аульная собака побеждала в драке чужого пса, Гитинав радовался, как ребенок.

На сцене началось действие, а Нуцалай сидела и думала:

«Неужели в наше время артистов, которые потешают народ, станут ценить? Усман-Гаджи может прославить наш аул. А я-то считала его занятие позором для всего нашего рода...»

Когда сын появился на сцене, Нуцалай ахнула. Это был и Усман и уже не Усман, а совершенно другой человек.

По поведению Гитинава, по возгласам людей, сидящих в клубе, Нуцалай видела и понимала, что игра сына Багдабцам нравится. Она чуть повернула голову и увидела сидящую у стены Маржанат. Девушка почему-то на сцену не смотрела. Опустив голову, она будто разглядывала что-то у себя на коленях. Нуцалай подумала: «Пока Усман в ауле, надо уладить все меж ними. Ишь, переживает, все на лице написано... Славная она, Маржанат, хорошая жена будет Усману...»

И до конца спектакля, глядя на Умайханат, она видела на ее месте Маржанат.

Из клуба Нуцалай вышла, когда люди стоя еще хлопали раскланивающимся артистам. Облачное с вечера небо очистилось от туч, его сторожила одинокая луна, похожая на подгоревшую лепешку.

У крыльца Нуцалай увидела Маржанат. Та стояла спиной к ней, глядела в темноту.

— Маржанат? Доченька...

Девушка стремительно обернулась. В глазах ее было что-то диковатое, будто она испугалась, увидев Нуцалай.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Я хочу, Маржанат, поговорить сегодня с Усманом-Гаджи.

— О чем? — Девушка вдруг тяжело задышала.

— О вашей дальнейшей судьбе.

— Не надо.

— Как?

— А так... Он даже не подошел ко мне! Он, он... совсем не замечает меня!

Маржанат ткнулась лицом в теплое плечо Нуцалай и зарыдала.

А Нуцалай сперва растерялась, потом погладила ее по спине и тихо проговорила:

— Он... он, видишь, взволнован. Ведь не шутка — родное село увидело его артистом. И передо мной ему стыдно. Ведь я думала, что он врач.

Нуцалай чувствовала, что говорит не то.

— Он сейчас выйдет из клуба, и... ты будь здесь.

— Я буду здесь, — прошептала сквозь слезы девушка. — Только он... не заметит меня, наверное...

Нуцалай шла домой с тяжелым чувством. Неужели, думала она, между ними все разладилось? Ведь перед отъездом Усман договорился с Маржанат, что после окончания его учебы они поженятся. Они друг другу письма писали. Сейчас бы и свадьбу сыграли, в сарае стоит еще одна овца. Конечно, Усман работает, по аулам разъезжает со своим театром. Но скоро кончатся занятия в школе, и Маржанат уехала бы к нему...

Об этом же думала она, собирая ужин на всех друзей сына. Потом вышла на балкон. И вот теперь различила идущих во тьме Хузу и

сына, услышала его голос: «Осторожно, дорогая. Тут канавка...»

«Дорогая! А Маржанат? Что будет с Маржанат?!»

Усман-Гаджи вошел в комнату веселый, возбужденный:

— Ну, мама. Вот ты видела мою работу. Я со сцены краем глаза наблюдал за тобой. Ты переживала, волновалась. И тебе понравилось, как я играл. Да, мама?

— Да, сынок, — неожиданно сказала Нуцалай. Неожиданно потому, что она не ждала такого вопроса и не знала, как на него ответить иначе.

— Простишь ли ты мне теперь, что я оставил институт? Я почувствовал, мама, что нет у меня призвания к медицине. Я в городе ходил несколько раз в театр и понял: тут вся моя жизнь, дорога моя — искусство.

— Искусство... — произнесла Нуцалай неприличное слово. — Ах, сынок, сынок. Где твои друзья?

— Ты же знаешь, мама, как у нас уважают гостей! Всех с боем разобрали. Но вот одну, самую дорогую гостью я привел.

Усман-Гаджи обернулся к Хузу, которая стояла у порога и о чем-то с веселой улыбкой рассказывала Сарат.

Нуцалай тоже обернулась. Обернулась медленно, с трудом и стала глядеть на артистку так, будто Хузу когда-то, давным-давно нанесла ей тяжелую обиду, обидела и скрылась, а теперь явилась вдруг без спроса и без зова, самовольно вошла в дом...

Хузу, видимо, почувствовала неприязнь Нуцалай, вспыхнула вся огнем, в глазах метнулся колющий огонек.

Смешался и Усман. Но только на секунду. Он тут же рассмеялся громко, громче, чем нужно было, взял мать за плечи, повернул к себе.

— Мама, мама. Ты так и не ответила, простила ли ты меня? И вообще мне надо с тобой, мама, серьезно поговорить. Я ведь взрослый уже человек... Хузу, дорогая, присядь, пожалуйста, здесь, отдохни. Сарат, дай ей стул. А мы с тобой, мама, спустимся вниз.

И Нуцалай покорно пошла за сыном в нижнюю комнату.

Когда мать с сыном ушли, Хузу вздохнула.

— Ох, как я устала!

— Сейчас поужинаете и отдыхать будете, — проговорила Сарат.

— Конечно... — Хузу подошла к зеркалу, долго смотрелась в него. — Скажи, Сарат, много у вас в ауле красивых девушек?

— Ой, Хузу-ада, красивее вас не найдется.

Хузу усмехнулась как-то нехотя, лениво, не разжав даже губ. Не понравилось Сарат, как она усмехнулась, но девочка подумала, что это от усталости.

— Учительница наша Маржанат красивая. Но она даже петь не умеет.

— Маржанат? — Неприятная улыбка с лица Хузу немедленно исчезла, глаза сухо заблестели. Все это испугало Сарат. И чтобы вернуть Хузу прежнее настроение, девочка вдруг сказала:

— Хотите, я стихи вам прочитаю?

— Стихи? Что-то не до стихов мне.

— Одно только.

— Ну читай... — Хузу опустила на стул.

А Сарат встала у окна, как-то подобралась вся. Круглое личико ее чуть порозовело от волнения, в черных глазах появилось недетское выражение тоски и радости одновременно. Хузу удивленно сдвинула брови.

— Цадаса. «Чохто», — звонко произнесла Сарат.

Читать стихотворение она начала медленно, будто с трудом вытаскивая каждое слово. Но потом голос ее окреп, налился силой и зазвучал, как горный ручей. Он, этот ее голос, то радовался солнцу, горам и ясному небу над горами, то стонал, отчетливо передавая муки и страдания взрослой женщины. Хузу медленно поднималась со стула и слушала девочку, пораженная.

Когда Сарат умолкла, Хузу не сразу даже нашлась, что сказать:

— А ну-ка... еще что-нибудь почитай.

Но Сарат вдруг смутилась, шагнула к Хузу, спрятала на груди у нее пылающее свое лицо.

— Удивительно. Ведь ты читала удивительно! — с волнением проговорила Хузу.

— Ну что вы. У нас в школе все так читают.

— Ты думаешь, все?

— Ну да. Только учительница Маржанат говорит, что я, когда читаю, вижу перед собой и самого поэта Цадаса и андийку Пати, которую он призывает снять χοто.

— И ты видишь?

— Сперва я не видела. А потом... потом я представила себе эту Пати. Я знаю, какие у нее волосы, какие глаза... И какое у нее доброе сердце. И как болит это ее сердце...

Вошел в комнату Усман-Гаджи, веселый, смеющийся, будто выкупанный весь в радости.

— Ну вот, Хузу... Мама все поняла. Я же говорил, что она добрая, моя мама.

Хузу эти слова будто не коснулись, будто не слышала она их.

— Ты знаешь, Усман, Сарат... У нее... Она, кажется, очень способная. Сейчас она читала стихи Цадаса.

— Сарат и петь умеет, — улыбнулся Усман. — Наш глуховатый завмаг Хулиев Али очень любит ее песни.

— Какой завмаг?

— Да обыкновенный продавец. Ну-ка, говорит, спой мне песню «Парень, хочу тебя видеть». И дает конфетку. И она приложит вот так к щеке руку. И поет ему. А рябой Али улыбается. Потом еще даст конфетку и похвалит. Он, конечно, большой специалист по части вокала.

— Зачем ты так говоришь, Усман? — холодно произнесла Хузу.

— А еще она плакальщица здорово передразнивает, — усмехнулся Усман-Гаджи.

— Я их не передразниваю, — всхлинула вдруг Сарат.

— Да? А я вот помню, ты вздумала однажды изобразить, как Нуцалай-ада плачет по умершим. И тебя тетушка наказала за это... Было такое?

Сарат еще раз обидчиво всхлинула.

— Перестань, Усман. Какой ты жестокий.

Хузу присела перед Сарат, вытерла проступившие на ее глазах слезинки. — А ты, Сарат, успокойся. У тебя, кажется, есть талант... во всяком случае, к художественному чтению. А завтра ты мне споешь, хорошо? Я хочу послушать, как ты поешь. Может быть... кто знает, может быть, ты станешь артисткой.

— Ой, что вы, Хузу-ада.

— Кто знает, — повторила Хузу. — А пока учись в школе получше.

— Хватит в одном доме и двоих артистов. Это сказала Нуцалай. С красным платком в руках она стояла в дверях комнаты, какая-то покорная, сломленная, с печалью в глазах.

Потом она подошла к Хузу и накинула на нее платок.

— Пусть этот износится, а взамен у тебя сто новых. — Нуцалай замолкла. Сарат видела, что ей трудно говорить дальше. Но, будто сглотив что-то тяжелое и горькое, тетушка продолжала: — Свадьбу надо бы по обычаю. Да Усман не желает. Что ж, приходится вот так... накинуть лишь платок на твои плечи. Будьте счастливы.

— Спасибо... мама, — неловко произнесла Хузу, опуская глаза. — Живите столько лет, мама, сколько бахромы у этого платка.

И Хузу, по-прежнему не поднимая глаз, подрагивающими пальцами принялась тереть бахрому.

«Вот и все... вот и все!» — больно колотилось в маленьком сердце Сарат. Перед ней стояли печальные глаза учительницы Маржанат.

7

На другой день, утром, опять по всему аулу загремел барабан, запела зурна. Артисты покидали Бакдаб. Вместе с ними уходили Хузу и Усман-Гаджи.

Хузу сегодняшним утром почему-то не попросила Сарат спеть ей, наверное, забыла. Да Сарат и не обижалась. Но, стоя на улице среди ребят и девочек, глазеющих на артистов, вдруг почувствовала тоску и обиду. Ей казалось, что Усман-Гаджи, уходя из аула, уносит радость не только учительницы Маржанат, но и еще что-то большое, беспрдельное, без чего трудно будет Сарат, трудно будет и Нуцалай-аде. Вот сейчас артисты уйдут, скроются с глаз, и мир сразу поблекнет и сузится, тучи закроют небо, лягут на горы огромной крыш-

кой, и потянутся бесконечные пасмурные дни.

— Сарат, не слышала, что ли, звонка? — сурово и жестко проговорила Маржанат. Она стояла, прижимая к себе классный журнал. — Иди на урок.

В классе стоял шум, смех. Ребята наперебой обсуждали вчерашний спектакль.

— Артисткой? Да никогда не буду! — кричала Халисат. — Вот пусть Сарат в артистки идет. У нее все так здорово получается: и сплетниц она изображает и стихи читает...

— Сарат сперва надо нос у кузнеца выправить, — со смехом отозвался второгодник Шагидав.

Нос у Сарат действительно «подкачал немало», как со смешком говорил когда-то Усман-Гаджи. «Ну и что ж, что курносый? — раздумывала иногда Сарат, стоя перед зеркалом. — Лицо он вовсе не портит...» Но сейчас слова Шагидава, этого хулигана и лентяя, глубоко заделали ее, обидели.

— Ты... мухами обсиженное яйцо! — крикнула она с ненавистью.

В семье у Шагидава все были конопатые: и отец, и мать, и сестра. Но особенно сам Шагидав. Лицо его походило на яйцо сороки. И не было для него обиднее слов, чем те, которые выкрикнула Сарат. Таких слов он не прощал никому.

Весь класс боялся конопатого Шагидава, кроме разве Мансура, сидящего на соседней парте.

В школе Шагидав и Мансур сидели почти рядом, а жили в разных концах аула. Мансур на верхней окраине, Шагидав — на нижней. И каждый с детства верховодил соседскими мальчишками. Если Мансур со своими друзьями показывался в нижней части Бакдаба, уходили они оттуда с синяками... Мансур с друзьями отвечали компании Шагидава тем же, и часто то в одном конце аула, то в другом разгорались самые настоящие потасовки. Нередко усмирять враждующих приходилось взрослым.

В классе Шагидав вел себя более сдержанно, кулаки, во всяком случае, не распускал. Большая часть класса была на стороне Мансура, и Шагидав это знал. Но сейчас, после слов Сарат, его конопатое лицо полыхнуло огнем, косоватые глаза налились кровью, как у рассерженного быка. Он схватил Сарат за косу, дернул что было сил, повернул к себе.

— С таким носом ты еще лаешь, как собака! — выдохнул он и ударил Сарат по щеке.

Обида, злость и ненависть застлали Сарат сознание. Краем глаза она видела, как кинулся к ним Мансур, перепрыгнув через парту, слышала, как завизжали девочки, брызнув прочь, к стенам. Машинально схватив свою облезлую сумку с книгами, Сарат ударила ею Шагидава по голове, но какой уж там удар у девочки!.. Шагидав вырвал у нее сумку с книгами и размахнулся, намереваясь обрушить на ее голову... Сарат пронзительно закричала. Мансур, как кошка, прыгнул к Шагидаву и перехватил сумку. Но вырвать не смог, потому что дружок Шагидава Хочбар повис на его плече...

И тут в класс вошла Маржанат.

— Это что такое?! — воскликнула она. В классе сразу установилась тишина. — Шагидав, разве пристало мальчикам драться с девочками?

— Он не виноват. Это Сарат ударила его сумкой по голове.

— Ты, Хочбар, носишь имя героя, а смелости у тебя, как у твоего друга Шагидава, нет. Зачем оправдываешься?

— Я правду говорю.

— Правду он говорит? — спросила Маржанат у класса.

— Нет... нет... — понеслось со всех сторон.

— Вот видишь. Придет время, вы окончите школу. Станете вы, дети, учителями, врачами.

— Артистками... — прислула в кулачок Халисат.

Маржанат сдвинула брови, повернула голову к Халисат.

— Да, может быть, одна из вас, девочки, будет и артисткой. Но кем бы вы ни стали, всегда помните: каждый должен быть прежде всего человеком... честным человеком...

Продолжение следует.

Перевел с аварского Анатолий ИВАНОВ.

Петру ДАРИЕНКО

ПРОХОДЯТ ГОДЫ

Памяти Ф. Пономаря

В осенях — вина хмельного запаха,
Им ли праздной старости бояться!
Хороводом праздничным в закатах
Под шатром из крон они кружатся.

Красочно, величественно, гордо
Встречь ветрам певучим и упругим
Выступают витязями кодры.
Деревца — как сны во всей округе.

Горы в тень уходят. Вечереет.
Засыпают лысые вершины.

Известному поэту, публицисту и драматургу Петру Степановичу Дариенко исполняется пятьдесят лет.

Сын бедного крестьянина Петру Дариенко поступил в 1939 году в Тираспольский педагогический институт, а в 1941 году ушел со студенческой скамьи на фронт. В послевоенные годы один за другим появляются его поэтические сборники, где поэт славит героический подвиг советского народа и его созидательный труд.

Одна из ведущих тем лирики П. Дариенко — тема интернационализма, братской дружбы народов нашей страны, и высшая гордость для него, по его собственному признанию, в том, что он, молдавский поэт, удостоен звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Из Москвы к нам свет приходит.
Напоенная тем светом,
И моя земля рождает
Негасимой дружбы свет,—

писал поэт в год 50-летия образования Союза ССР.

Сегодня мы печатаем стихотворение П. Дариенко, посвященное памяти Федора Пономаря — молдавского поэта, танкиста, горевшего в танке и умершего от ран после войны.

Грустно чуть... Но—девушки взрослеют
И растут на счастье им мужчины.

В час любой и в миг—в полмига даже!—
К нам любовь идет, казня и грея...
О, не улыбайтесь, мы не скажем,
Все равно не скажем, что стареем.

Беспощаден возраст, если меришь
Каждый год. И дни, дрожа, считаешь.
И великодушен он, коль веришь,
Что к «полста» сто лет еще прибавишь.

Годы, словно ветки, перед нами.
Мы их властно в стороны отводим.
Будущее — наша цель и знамя,
И неумимы мы в походе.

Если ж из зари уходит сверстник,—
Молодость спешит ему на смену.
Обгоняет нас. Но с той же песней!
Мы в любви к Отчизне неизменны.

Пусть вперед, задором с нами споря,
Юные спешат неудержимо.
Стих они продлят, а не повторят,
Он ведь, как и мы, неповторимый.

Поезд снова трогается... Что же,
В нем для нас места. И мы успеем.
Разве так уж всем открыться может,
Что стареем, други, мы, стареем?!

Мы дарить — пока лишь сможем!—будем,
Верные себе непоколебимо,
Оптимизм, и пыл весенний людям,
И огонь непобежденных гимнов.

Были мы напористы, как черти,
И упрямы при любой тревоге.
Ну а час пробьет, мы и у смерти
Круто встанем поперек дороги.

Перевел с молдавского
Ан. ЗЕМЛЯНСКИЙ.

ТЕАТР

ПРЕМЬЕРА: НАХОДКИ И УТРАТЫ...

Н. ТОЛЧЕНОВА

Можно предполагать, что скрытый философский смысл «Птиц нашей молодости» — пьесы И. Друце — каждый ее постановщик пожелает отыскивать по собственному усмотрению, произвольно определяя и акценты и даже самый конфликт — схватку добра и зла, а следовательно, и расстановку героев, и самый их облик, и манеру поведения...

Конечно, где-то главная проблема все же постепенно всплывает, сперва смутно, а потом уже более отчетливо обозначившись в сложной драматургической структуре «Птиц».

Ради чего живет человек?.. Зачем берет на себя лишние заботы, терпит горе, боль, обиды, утраты?.. Ведь в конце пути каждого из нас все равно ждет смерть. Не лучше ли заботиться не о людях, а о себе, пока еще есть силы!

Разумеется, в кратком пересказе невольно упрощается основополагающая мысль, которую можно считать стержнем пьесы И. Друце «Птицы нашей молодости».

Как бы избегая односторонних ответов, а может быть, и вообще не стремясь к ответам, драматург, однако же, возлагает, несомненно, всю сложность творческой задачи на театры, взявшие его пьесу и постановке... Пусть-де они сами определят нравственную доминанту спектакля, воссоздавая на сце-

не нынешнюю жизнь молдавского села, — определяет и все отношения людей, а значит, и характеры героев...

Скажем прямо, нелегкую задачу взял на себя Малый театр, решившись осуществить на своей сцене пьесу со столь явно ослабленными драматургическими опорами!.. Ведь цепь эпизодов, где герои могут хоть как-то выявить себя, едва уловимой нитью связана между собой действием. И порой оно совершенно замирает.

Предстояло своеобразное единоразовое драматургическое и постановочное. Кто выиграет?..

В «Птицах нашей молодости» Борис Равенских — главный режиссер Малого театра и постановщик пьесы, — создавая образ спектакля, остается верен себе, верен своей художественной манере. Пригласив из Молдавии, из театра «Лучаферул», режиссера Иона Унгуряну, а также поручив оформление сцены молдавскому художнику В. Русу-Чобану, автору простых и в то же время броских декораций, Б. Равенских успешно находит и главных исполнителей, главных героев спектакля. Дряхлую ведунью, тетюшку Руцу самоотверженно играет Р. Нифонтова, чья молодость, своеобразно «просветленная» сновом «старушечий» облик героини, делает эту старуху неотразимо привлекательной. «Противник»

Руцы и ее родич, председатель колхоза Павел Русу — истерзанный прожитой жизнью, умирающий, но не сдающийся фронтовик, в исполнении В. Доронина — личность столь же незаурядная, человек с гордой и красивой душой. Оба героя — дети своего народа, его любимцы... И каждый из них по-своему отдает все силы новому. А это новое несет в себе юноша-скрипач, герой А. Локтева... Обаянием танца и жеста, каждого движения солнечный мальчик наполняет внутреннюю правдой и трудное существование тетюшки Руцы, и неотвратимую смерть Павла, и деяния людей села, живущих рядом с ними, и надежды тех, кто не дождал, погиб...

Человек живет ради счастья... Но счастье приходит к нему, если он умеет забывать о себе для других. Это ощущение возникает, когда слушаешь прекрасные песни Е. Дога, молдавского композитора, да и всю музыку, созданную им для «Птиц»...

Таким образом, спектакль смотрится как литературно-музыкальная композиция... Он мог бы стать явлением в театральной жизни Москвы, если бы всем режиссерским усилиям соответствовала драматургия. К сожалению, в спектакле «Птицы нашей молодости» она являет собою самое слабое место.

Р. Нифонтова и А. Локтев в спектакле «Птицы нашей молодости»

Фото Д. Ухтомского.

В

ам надо бы побывать в Мурмелоне, — сказал мне вдруг знакомый сотрудник нашего посольства в Париже, ветеран дипломатической службы. — Помните, лет двенадцать тому назад вы ездили с маршалом Малиновским в деревушку Плёр сюр Марн? Он был там на постое, когда служил пулеметчиком в русском экспедиционном корпусе в годы первой мировой войны. Ну вот, а в Мурмелоне живет штабс-капитан Васильев, командовавший той пулеметной ротой, в которой Малиновский воевал солдатом. Как видите, пути их разошлись, да и военная карьера сложилась по-разному...

Еще бы не помнить поездку в Плёр сюр Марн! Маршал Малиновский приехал тогда во Францию в составе правительственной делегации для участия в важной международной конференции. Выдалось свободное солнечное утро. За завтраком маршал вдруг сказал: «А что если мы съездим сейчас в одну французскую деревушку, на берег Марны? Лет сорок с лишним тому назад я прожил там несколько месяцев, — нас вывели из боя на переформирование. Чудесная была деревушка! И люди были чудесные. Что с ними случилось, да уцелела ли сама деревушка во второй мировой войне?»

Принесли карту, маршал сразу же нашел на ней крошечную точку, которой было обозначено селение Плёр сюр Марн, быстро проложил маршрут и командовал, молодого улыбаясь: «По машинам!»

Мы мчались на восток, навстречу солнцу, по узкому асфальтовому шоссе, среди ярко-зеленых ив и тополей. Мелькали живописные городки и селения под красными черепичными крышами, готические колокольни старинных церквей, памятники погибшим в трех войнах — 1870, 1914, 1939 годов: трижды вторгались в эти края немецкие войска, и трижды шли здесь жесточайшие бои. Слева и справа от нас с треском и грохотом мчались мотоциклисты в кожаных куртках, шлемах и перчатках с растрепанными — почетный эскорт. Родион Яковлевич задумчиво глядел по сторонам и говорил:

— Да, вот этой самой дорогой мы ехали тогда во французских грузовиках на фронт. И был это одна тысяча девятьсот шестнадцатый год, и была такая же точно весна. Что мы, рядовые солдаты, могли понять тогда — зачем мы здесь и какая нам уготована судьба? Да об этом и не хотелось думать, — светило солнце, мы были отлично обмундированы, сыты, нас всюду встречали аплодисментами, забрасывали цветами, нам улыбались красивые девушки. Парад одного из наших батальонов на Елисейских полях был триумфальным, газеты писали о нас, как о спасителях Франции, пришедших

к ней на выручку. Понимание подлинной политической сути того, что происходило, и той трагедии, которая нас ждала, пришло позднее, и до нашего солдатского сознания дошло, что война эта и нам, и французским рабочим и крестьянам, и немецким — чужая, а нам надо скорей добираться домой и воевать с нашими собственными помещиками и капиталистами. Ну, а у господ офицеров, конечно, понятия были другие. Так и дошло дело до кровавой расправы в лагере Ла Куртин...

Ла Куртин, Ла Куртин... Да, это была настоящая трагедия. Взбунтовавшиеся солдаты русского экспедиционного корпуса требовали немедленной отправки на родину, к Ленину, а офицеры кричали: «Молчать! По приказу Временного правительства России вы должны воевать до победного конца, куда вас пошлют. А пошлют вас отсюда в Салоники, на Македонский фронт». Тем временем из генерального штаба правительства Керенского уже была передана шифрованная телеграмма: мятежные элементы подвергнуть смертной казни!

В книге бывшего генерала-от-инфантерии Ю. Н. Данилова «Русские отряды на французском и Македонском фронтах. 1916—1918 годы», ставшей ныне библиографической редкостью (она была издана в 1933 году в Париже тиражом 250 экземпляров), я читаю такие строки: «В 1-й особой бригаде, формировавшейся в Московском районе, и особенно в 1-м полку, люди были «посознательнее» (Как многозначительны эти генеральские кавычки! — Ю. Ж.). Вышедшие из фабричной среды, они давно были уже затронуты классовой пропагандой и потому легче откликались на революционные лозунги» (стр. 130).

И вот в тревожные июльские дни 1917 года командованием было решено подвергнуть усмирению лагерь Ла Куртин, где находилось тогда около 9 тысяч солдат, «затронутых классовой пропагандой» и «легко откликавшихся на революционные лозунги». Эта операция была поручена карательному отряду генерала Беляева, командовавшего 2-й особой артиллерийской бригадой, которая в то время, двигаясь из Архангельска в Салоники через Францию, высадилась в Бресте. Его подкрепляли «на всякий случай» французские войска — 19-й пехотный полк, 21-й драгунский полк и одна 75-миллиметровая батарея. Французское военное командование предписывало использовать их «в случае полной неудачи русского карательного отряда».

И грянул бой... Бой русских против русских на французской земле. Передо мной лаконичные донесения генерала Комба, командовавшего 12-м Лиможским военным районом, на территории которого находился лагерь Ла Куртин, в генеральный штаб:

«— 16 сентября 1917 года. В 10 часов — четыре орудийных выстрела, выпущенных по русским мятежникам.

— 16 сентября. У русских оказалось до 20 раненых. Стрельба была возобновлена в 14 часов... Артиллерийские выстрелы будут производиться вплоть до ночи.

— 17 сентября. Ночь очень деятельная. Пулеметный огонь верных войск... Заявляют о большом количестве раненых.

— 19 сентября. Русские мятежники окружены...»

Каратели торжествовали победу. В лагере было много убитых и раненых. Шестидесят «главарей» по распоряжению генерала Занкевича, представившего Временное правительство Керенского при французском военном командовании, были брошены в тюрьму. Часть солдатских вожakov сумела прорваться в Швейцарию и оттуда разоблачала организаторов бойни в Ла Куртин.

«Мы не обвиняем французский народ, который страдает, как и другие», — писали они в своем письме в газеты...

Русских солдат, плененных в Ла Куртин, тогда подвергли «просеиванию», как выражалось

командование: «верных» Временному правительству (а таких была ничтожная горсточка) обещали вернуть на фронт, тех, кто казался сомнительнее, посылали работать на заводы, а основную массу усадили в Северную Африку, где жили они, как писал генерал-от-инфантерии Данилов, «в условиях, близких к условиям военнопленных. Они были размещены в пунктах, по возможности малонаселенных, и находились под надзором алжирских стрелков» (стр. 218).

Лишь немногим, в том числе и пулеметчику Родиону Малиновскому, посчастливилось ускользнуть и после долгих приключений добраться в Россию, охваченную огнем революции, и там, на родной земле, начать свою собственную войну за рабочее дело.

Но это уже другая история, а мы с вами, читатель, пока что направляемся с маршалом Малиновским в тихое селение Плёр сюр Марн, где он, будучи рядовым солдатом, переводил дух после страшных кровавых дней на франко-германском фронте, где русский экспедиционный корпус лишь в одной тяжелой наступательной битве в районе печально знаменитой дороги Шмен де Дам у реки Эн потерял добрую половину своего состава. Французский генерал Нивель, командовавший этой неудачной операцией, был снят с поста, но солдатам было от этого не легче...

После трудных боев и неустроенной жизни в траншеях тихая деревушка Плёр сюр Марн, совершенно не тронутая войной, показалась солдатам раем, тем более что крестьяне весьма радушно встретили русских, а пулеметчик Малиновский был, что называется, парень не промах: он был грамотен, научился говорить и писать по-французски и сразу же стал душой деревенского общества...

— Вот она, вот она! — взволнованно воскликнул маршал, обрывая свой рассказ и привстав с сиденья автомобиля. Перед нами было типичное французское селение центра Франции с церковкой и мэрией на главной площади, узкими извилистыми улочками, крохотными магазинчиками. Мотоциклисты отъехали в стороны. Кorteж автомобилей остановился.

— Ну, води нас, маршал! — весело сказал кто-то. — Узнаешь дорогу к своему дому?

— А вот, ей-богу, узнаю! — каким-то звонким, молодым голосом ответил Малиновский и действительно куда-то повел нас по этим улочкам. — Просто поразительно, — добавил он, — кажется, за сорок лет с лишним здесь решительно ничего не изменилось...

Мы зашли в деревенскую таверну, где когда-то пировали русские солдаты за счет сдобных французских крестьян. Маршал вспомнил, как перед уходом из деревни он и его приятели копотью от свечи вывели на полке имя красавицы — хозяйки этой таверны, — увы, от этой надписи не осталось и следа. Потом двинулись к центральной площади. Родион Яковлевич на мгновение остановился, воскрешая в памяти топографию более чем сорокалетней давности, потом круто повернул вправо, подошел к старому крестьянскому дому и постучал в дверь. Ее открыла старенькая седая женщина. Она с недоумением взглянула на военного в неизвестной ей форме и на его многочисленных спутников.

— Принимай, хозяйюшка, на постой русского пулеметчика, — по-солдатски четко сказал, улыбаясь, маршал, и у крестьянки в глазах мелькнул какой-то огонек. Она отступила на шаг, сжала свои худые, натруженные уки, потом порывисто шагнула вперед...

— Нет, нет... Не может быть! — воскликнула она. — Так это вы?

— Да, я, хозяйюшка! Я!

Крестьянка принялась созывать своих. Через минуту тесная комнатка уже была полна. Все суешили, расставляя грубо сколоченные стулья; кто-то уже достал бутылку самодегонного вина и разливал его по рюмкам. Шел, как всегда в таких необычайных случаях, не

ОДИССЕЯ ШТАБС-КА

очень складный, вразброс, но горячий разговор:

— Подумать только! Он теперь офицер...
— Да что там офицер, — большое начальство! Видишь, какая свита с ним?
— А вы, стало быть, и в эту войну воевали?
— Погляди, седой, а глаза все такие же молодые...
— А помните, как по вечерам песни пели?
— А медведь-то, вот ведь какой медведь-проказник у вас был...

И маршал говорил, говорил без конца — и нам, и своей старой хозяйке, и ее односельчанам — обо всем подряд: и об этом полковом медведе, которого солдаты привезли с собой во Францию из России, совершив чуть ли не кругосветное путешествие — из Москвы в порт Дальний, а оттуда пароходами вокруг Азии, в Марсель; и о том, как солдат Малиновский, наловчившись, переводил солдатам с французского на русский письма, которыми сопровождалась посылка с подарками фронтовикам от их «крестных матерей» — французенок; и о фронтовых делах; и о том, как ему удалось потом добраться до Владивостока, пробраться через территорию, занятую белыми войсками Колчака, и вступить в ряды Красной Армии; и о том, как он воевал с гитлеровцами...

Потом Родион Яковлевич вышел во двор, увлекая за собой всех нас, и в волнении остановился перед сараем — здесь, на сеновале, он спал со своими однополчанами и сюда забирался к нему дети хозяина дома — теперь они, уже седые люди, стояли рядом и согласно кивали головами, когда он рассказывал, как читал им русские сказки и стихи, показывал звезды на небе и говорил, как какая звезда называется...

Нет, не была и тогда Франция чужой землей для закинутого сюда судьбой русского солдата, и тысячу раз были правы солдатские вожаки, когда после трагедии в лагере Ла Куртин они заявляли, разоблачая организаторов этой бойни: «Мы не обвиняем французский народ, который страдает, как и другие».

Ну, а как же офицеры русского экспедиционного корпуса? Как они вели себя в то сложное и трудное время? Я задавал этот вопрос Родиону Яковлевичу, когда мы возвращались из Плёр сюр Марн в Париж. Он подумал, снял маршальскую фуражку, вытер ее околыш и проговорил:

— Как вам сказать. В бою многие из них вели себя неплохо, это были храбрые и хорошо обученные люди. Но когда грянула революция, вступили в действие социальные, классовые законы. И тут пути наши, конечно, разошлись. Вот, помнится, нашей пулеметной ротой командовал молодой штабс-капитан Васильев. Мужественный человек, на фронте пулям не кланялся, воевал хорошо, солдат зря не обижал. А пришла революция — он ее не принял. Остался верным слугой его величества. И когда разразились события в лагере Ла Куртин, он был на стороне карателей. Интересно было бы узнать, как сложилась его судьба. Да разве найдешь след человека среди миллионов судеб? Это — как пылинки в космосе...

И вот спустя двенадцать лет я вместе с легким на подъем корреспондентом «Комсомольской правды» Борисом Гурновым еду по той же самой дороге к штабс-капитану Васильеву. Тому самому! Случается же так в жизни, — даже пылинки в космосе может отыскаться. И надо же так — оказывается, штабс-капитан Васильев был совсем неподалеку от Плёр сюр Марн, когда Малиновский вспоминал о нем: там же, неподалеку от Марны, в районе Мурмелона...

Проехав город Шалон-на-Марне, мы добираемся до крохотного селения Сент-Илер ле Гран и там сворачиваем с шоссе на проселок. Он ведет нас через молодую сосновую рощицу к военному полигону, мы видим по сто-

ронам дороги артиллерийские орудия, у которых хлопчут молодые солдаты; песчаная почва изрыта танками. Еще поворот направо, и среди сосен мы видим сверкающую на солнце золотую маковку православной часовни в стиле новгородской архитектуры XV века, а рядом с нею — одно из тех военных кладбищ времен первой мировой войны, которыми столь зловеще богаты поля Шампани, куда мы приехали.

Мы находимся неподалеку от Реймса и Суассона, на подступах к которым шли самые кровавые битвы Западного фронта в годы первой мировой войны. Чуть дальше — Верден, у стен которого было убито свыше трехсот пятидесяти тысяч французских солдат и офицеров, и это на крохотном участке земли — по фронту тридцать — сорок километров, а в глубину — и того меньше.

Где-то здесь смыкались фланги частей русского экспедиционного корпуса и французских дивизий. Никогда не забуду, как Жак Дюкло однажды рассказывал мне: «Я стоял тогда в дозоре на стыке с русскими. Рядом со мной был ваш солдат. Мы уже слышали о русской революции, и мне очень хотелось с ним поговорить, но я не знал русского языка, а он — французского. И вдруг он сказал: «Звезда!» И показал на небо. Я ответил: «L'Etoile» — и тоже показал на небо. И он улыбнулся мне и пожал мне руку. Это может показаться сентиментальной приметой, но ведь это же факт: звезда, на которую мне указал русский солдат, привела меня к коммунизму. Пусть это аллегория, но она недалеко от реальности...»

Тихо. Слышно, как ветер шумит в ветвях раскидистых сосен, обступивших это большое кладбище, на котором рядами, словно солдаты на плацу, выстроились белые кресты, шеренга за шеренгой. У ворот четкая надпись, сделанная по-французски: «Русское кладбище 1914—1918 годов». На белоснежном фронте часовни значится: «Русским солдатам, павшим на поле чести во Франции 1914—1918». Она была построена в 1937 году на средства, собранные членами союза офицеров — участников войны на французском фронте, по проекту архитектора Альберта Бенуа.

Открываю калитку. Впереди — скромный памятник: «Признательные бойскауты города Шалон-на-Марне своим русским друзьям, погибшим на французской земле... сентябрь 1916 года». Братская могила № 1: «Здесь покоятся 373 неизвестных русских». Братская могила № 2: «Здесь покоятся 53 неизвестных русских». И слева, справа, впереди, позади — сотни крестов, под которыми лежат те, чьи мертвые тела удалось опознать: Алякин Федор, 1-й пехотный полк; Мирон Цимбал, 2-й пехотный полк; Никифор Лихачев, 5-й пехотный полк; Александр Колядко, 1-й пехотный полк; Николай Суворов, 5-й пехотный полк; Евдоким Марченко, 1-й пехотный полк; Дорофей Котенко, 2-й пехотный полк... И на каждом кресте добавление, отлитое в металле: «Умер за Францию»...

— Здесь был командный пункт 1-й особой бригады, — слышу я чей-то голос. — Фронт проходил неподалеку, и людей начали хоронить здесь же...

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит рослый, пожилой, но все еще крепкий человек с хорошей военной выправкой. Он говорит на чистом русском языке:

— Потери были большие, и не всегда удавалось похоронить всех вовремя и как следует. Так вот и получилось, что многие наши боевые товарищи спят вечным сном в этих братских могилах. А всего, если вам любопытно это знать, здесь покоятся 939 человек, в том числе 7 офицеров, а еще наши люди рассеяны по четырнадцати кладбищам; разыскать во Франции нам удалось 1 908 русских военных могил...

Читатель, видимо, уже догадывается, с кем мы беседуем: это и есть штабс-капитан Вячеслав Афанасьевич Васильев, а ежели звать его

по-французски, коль скоро нынче он французский гражданин, то получается так: Capitain Wassilieff, и адрес его нынче таков: Wassilieff, Chapelle russe, 51 400, Mourmelon le Grand, France...

— Не знаю уж, почему записали тогда в паспорте мою фамилию на букву дубль-ве, — говорит он, представляясь нам. — Получается вроде по-английски — Уассилиефф. Но что поделаешь: языка французского я тогда толком не знал, а забота была одна — поскорее бы французские бумаги выправить. Ведь история у меня ой-ой-ой какая сложная была...

Штабс-капитан разговаривает любезно, но в глазах его читается ледяная настороженность: что это за люди, видать, из Москвы и зачем они пожаловали. Но когда выясняется, что мы кое-что знаем о русском экспедиционном корпусе во Франции и интересуемся судьбами его участников, наш собеседник немного оттаивает и у нас развертывается долгая беседа.

Вячеслав Афанасьевич Васильев первым делом ведет нас в часовню, которой он, как секретарь союза офицеров — участников войны на французском фронте, весьма гордится: его усилиями часовня превращена в своего рода маленький музей, посвященный истории русского экспедиционного корпуса.

Мало кто знает, что уже в самом начале первой мировой войны, когда военные успехи неизменно сопутствовали кайзеру Вильгельму и его союзникам, а Англия, Франция и Россия терпели неудачи, в Лондоне и Париже начали хлопотать о том, чтобы российский царь послал своих солдат на Западный фронт — там не хватало собственного пушечного мяса. Уже 17 августа 1914 года тогдашний министр иностранных дел России информировал своего посла в Париже Извольского, что посол Великобритании обратился к нему с запросом, не сможет ли Россия перебросить во Францию через Архангельск три-четыре пехотных корпуса.

Правда, тогдашний морской министр Черчилль, уже в то время известный своими проамериканскими симпатиями, рекомендовал другое решение: попытаться завербовать в США добровольцев, чтобы укомплектовать ими несколько дивизий, а французский министр иностранных дел Делькасс советовал добиться присылки в Европу японских войск. Но правительства Англии и Франции все же склонялись к тому, что русские солдаты лучше и надежнее. И нажим их на царское правительство усиливался: пришлите своих солдат на Западный фронт, тогда мы дадим вам военную технику, в которой вы столь остро нуждаетесь...

Российский генеральный штаб долго упирался: вооруженные силы России сами несли большие потери, и в солдатах была острая нужда на фронте. Когда в декабре 1915 года в Петроград приехал представитель французского правительства Думер с очередным требованием послать во Францию 300 тысяч русских военнослужащих, он получил в генштабе решительный отказ. Тогда этот ловкий политик добрался до самого царя Николая II, который числился главнокомандующим, он пообещал ему пушки и винтовки в обмен на солдат. Тот поручил заключение сделки своему начальнику штаба генералу Алексееву.

16 декабря 1915 года директор дипломатической канцелярии в штабе верховного главнокомандующего князь Кудашев писал в Париж русскому послу Извольскому: «Генерал Алексеев, и без того не сочувствовавший посылке русских войск в отдаленные заграничные экспедиции, был особенно поражен мыслью об обмене живых людей на бездушные предметы оружия».

Но этот обмен был уже предрешен волей монарха, и Думер за день до посылки этой телеграммы уже информировал свое правительство, что в принципе предложение об отправке на Западный фронт русских солдат принято — «будет перевозиться по 40 000 в месяц

ПИТАНА ВАСИЛЬЕВА

при условии, что они будут воевать в виде отдельных воинских частей с русскими кадрами».

Но решить этот вопрос «в принципе» было легче, чем осуществить такой план на практике: не хватало пароходов; трудно было найти достаточное количество сколько-нибудь надежных солдат (не забудем, что вся Россия буквально бурлила); трудно было даже с обмундированием. Что же касается оружия, то западные союзники обещали его предоставить сами.

Короче говоря, в зарубежную военную экспедицию удалось послать всего четыре бригады — две во Францию и две на Македонский фронт — общим числом 745 офицеров и 43 547 солдат.

Где-то там, на переднем крае Западного фронта, сражалась и пулеметная рота, куда весной 1916 года был направлен для несения службы в качестве младшего офицера храбрый восемнадцатилетний поручик Вячеслав Васильев, командированный «при пакете», как говорилось в старину, в 1-ю особую бригаду из генштаба: он привез какие-то бумаги комбригу генералу Лохвицкому, совершая долгое и сложное путешествие через северные страны Европы. История, конечно, умалчивает, почему в качестве военного курьера был избран именно он, юный «павлон», как именовали тогда выпускников Павловского офицерского училища, которое в прошлом служило питомником гвардии, верной царю. Вячеслав Васильев, окончив училище, был послан воевать на Северный фронт, в 175-й Батуринский полк (свои первые золотые погоны, которые он впервые надел в этом полку, Васильев хранит и теперь). И вдруг эта командировка во Францию...

Злые языки говорили, что к сему сюрпризу руку приложил влиятельный знакомый Вячеслава полковник Нечволодов, командовавший 1-м полком в 1-й особой бригаде генерала Лохвицкого (сестра Нечволодова была крестной матерью Вячеслава). Но субординация и все воинские приличия были соблюдены: юный поручик был назначен Лохвицким не к Нечволодову, а в соседний, 2-й, полк, которым командовал полковник Дьяконов.

Пылкому юноше, мечтавшему о воинской славе, еще в училище грезилась блистательная, победоносная сражения, марши и штурмы. Окопная правда жизни в долгие месяцы позиционной войны разочаровала его, но он успокаивал себя, веря, что уже скоро пробьет час решающего наступления и вот тогда-то и начнется настоящая победоносная война, об

участии в которой он мечтал на школьной скамье.

9 апреля 1917 года в частях и подразделениях был оглашен приказ генерала Мазеля, командовавшего 5-й французской армией, в которую входили русские войска. Он был выдержан в наполеоновском стиле: «Доблестные солдаты 1-й особой русской бригады! Плечом к плечу с VII армейским корпусом, дивизии которого громили врага в Шампани, в Вердене, на Сомме, вы вступаете в великую битву. Через необъятные пространства Россия глядит на вас. Франция рассчитывает на вас. Вперед, со всею вашей доблестью! Вперед, со всею вашей волей! Ничто вас не остановит. С помощью божьей русской и французской побьют общего врага. Победа принадлежит тому, кто ее хочет!»

Ну что ж, Россия действительно через необъятные пространства глядела на своих солдат. Но это была уже не та Россия, с которой солдаты прощались, уезжая во Францию. Это была новая Россия, охваченная кипением революции, та Россия, куда в эти дни ехал из Швейцарии Ленин со своими Апрельскими тезисами. И Россия настойчиво звала своих солдат домой, они были нужны ей для участия в единственно справедливой, классовой войне рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов.

Да, солдаты русского экспедиционного корпуса во Франции сражались в эти дни со всею своей доблестью. Ни дождь со снегом, ни резкий, холодный ветер, свирепствовавший, как назло, в те дни, не могли охладить их воинского порыва. Они шли и шли вперед, хотя и несли огромные потери. Солдаты кайзера трепетали, завидев наступавшие цепи людей в непривычной их ауре на Западном фронте воинской форме с трехгранными штыками на перевес и с громкими криками: «Это мы, русские!»

Но когда бой прекращался и солдаты начинали задумываться о жизни, вспоминать о доме, читать письма, чудом прорывавшиеся сквозь заслон военной цензуры, слушать рассказы тех, кому посчастливилось побывать в тылу и встретиться с русскими политэмигрантами, жившими во Франции, — в солдатской среде все усиливалось стремление добиться как можно более скорой отправки на Родину.

«Нежелательные настроения», как их именовали офицеры, усугубились в связи с тем, что «великая битва», которую пророчил генерал Мазель вслед за главнокомандующим Ниве-

лем, не дала сколько-нибудь существенных результатов. Общие потери французов в этой битве составили 118 тысяч человек, а русский экспедиционный корпус потерял примерно треть своего состава. Среди солдат царил глухое негодование. «Нас вели на бойню», — говорили раненные. На вагонах эшелонов, в которых везли подкрепления на фронт, были написаны мелом злые надписи: «Нас везут убивать». И рядом: «Да здравствует мир!» Некоторые французские части взбунтовались. «Надо идти на Париж!», «Надо потребовать в Париже привлечения к ответственности организаторов бойни!» — кричали солдаты.

И хотя главнокомандующий Нивель был снят со своего поста, а его преемник Петэн заявил, что нового наступления не будет, пока не подоспеют из-за океана свежие американские дивизии, США уже вступили в войну. На фронте было неспокойно. И вдвойне неспокойно было в русских полках. Хотя все четыре полка, участвовавшие в боях, — 1-й, 2-й, 5-й и 6-й, были награждены орденами за доблесть, проявленную в этом злосчастном апрельском наступлении 1917 года, солдаты не переставали твердить: «Хватит!», «Отправляйте нас домой!»

Вячеслав Васильев, сын священника из Риги, был воспитан в страхе божием и в духе верности его величеству императору всероссийскому. Он мечтал о блистательной воинской карьере, достойной настоящего «павлона». И когда в его присутствии солдаты открыто высказывали крамольные мысли, он ужасался: как можно бунтовать? Нет, хотя государь и отрекся от престола, он, Васильев, не может отречься от данной ему присяги, как и полковник Нечволодов, и полковник Дьяконов, и как сам генерал Лохвицкий. Бунтовщиков надо наказывать, дисциплину восстановить!

Но это легче было сказать, чем сделать. Чем дальше, тем более открыто русские солдаты во Франции так же, как и в России, отказывались повиноваться «золотопопоникам» и не желали продолжать чужую для них войну. Пошли разговоры о братании, которое уже началось на Восточном фронте и перекинулось на Македонский...

— Это был кавардак, — мрачно говорит нам сейчас семидесятилетний отставной капитан французских вооруженных сил с ленточкой Почетного легиона в петлице, поседевший и полыхавший Вячеслав Васильев.

Окончание следует.

ПОДВИГ В МУЗЫКЕ

Есть в жизни народа песни, способные объединить все чувства, все силы людские в одном могучем порыве. Такой песней стала рожденная суровым военным временем «Священная война». Написал ее широко известный композитор, автор музыки нашего Государственного гимна Александр Васильевич Александров. Песня родилась летом 1941 года. А уже в июльские дни Краснознаменный ансамбль провозглашал словами песни бойцов на фронт...

Подвиг песни этой поистине велик, и не случайно всю войну приходилась на ее долю, пожалуй, самая большая популярность. Да и сейчас еще только услышишь по радио суровые раскаты мужественной, грозной музыки, как перехватит дыхание...

Да и многие другие боевые песни А. В. Александрова: «В поход! В поход!», «Наша гвардия», «Песня 9-й Красногвардейской дивизии» — прошли от «волжских твердынь Сталинграда» до поверженного Берлина. Все новые и новые произведения Хренникова, Соловьева-Седого, Милюткина, Мурадели, Блантера, Фрадкина, Новикова разучивал и исполнял Краснознаменный ансамбль. Так же, как русские народные песни, они воодушевляли солдат на борьбу, неся в себе утверждение красоты, силы и непобедимости Родины.

Плодотворная, широкая творческая деятельность Александра Васильевича Александрова была отмечена Государственной премией. Приравненные к штыку композиторское перо и дирижерская палочка помогали народу воевать, воодушевляли его...

В детстве будущий композитор ничем не отличался от сверстников — крестьянских мальчонки и мальчишек. Разве что отец, самостоятельно выучившийся грамоте и имевший необыкновенную тягу к знаниям, рано привил мальчику любовь к книгам и чтению, а тетя, обладавшая прекрасным меццо-сопрано, пробудила жажду музыки...

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. В. АЛЕКСАНДРОВА

Способность сочинять и импровизировать рано проявилась у одаренного юноши, а сердце его всегда тянулось к протяжной русской песне, разудалой пляске, шутилой частушечной мелодии... В консерватории, куда Александров был принят в 1900 году, ему повезло: его преподаватели Лядов, Глазунов, Римский-Корсаков!.. Но все-таки заканчивать высшее музыкальное заведение пришлось не в Петербурге, а в Москве. В 1913 году Александров держал перед строгой комиссией выпускные экзамены по двум специальностям — композиции и вокалу. Большая серебряная медаль была присуждена художественным советом студенту консерватории.

Мало кто знает, что талантливый советский песенник, выдающийся художественный руководитель прославленного на весь мир ансамбля песни и пляски Советской Армии начинал свой профессиональный путь в музыке оперой «Русалка» на сюжет Пушкина и симфонической поэмой «Смерть и жизнь»... Жаль, что эти произведения не дошли до нас, рукописи их утеряны. Но если судить по созданной им композицией позднее «Поэме об Украине», можно утверждать, что А. В. Александров имел и незаурядное оперное дарование.

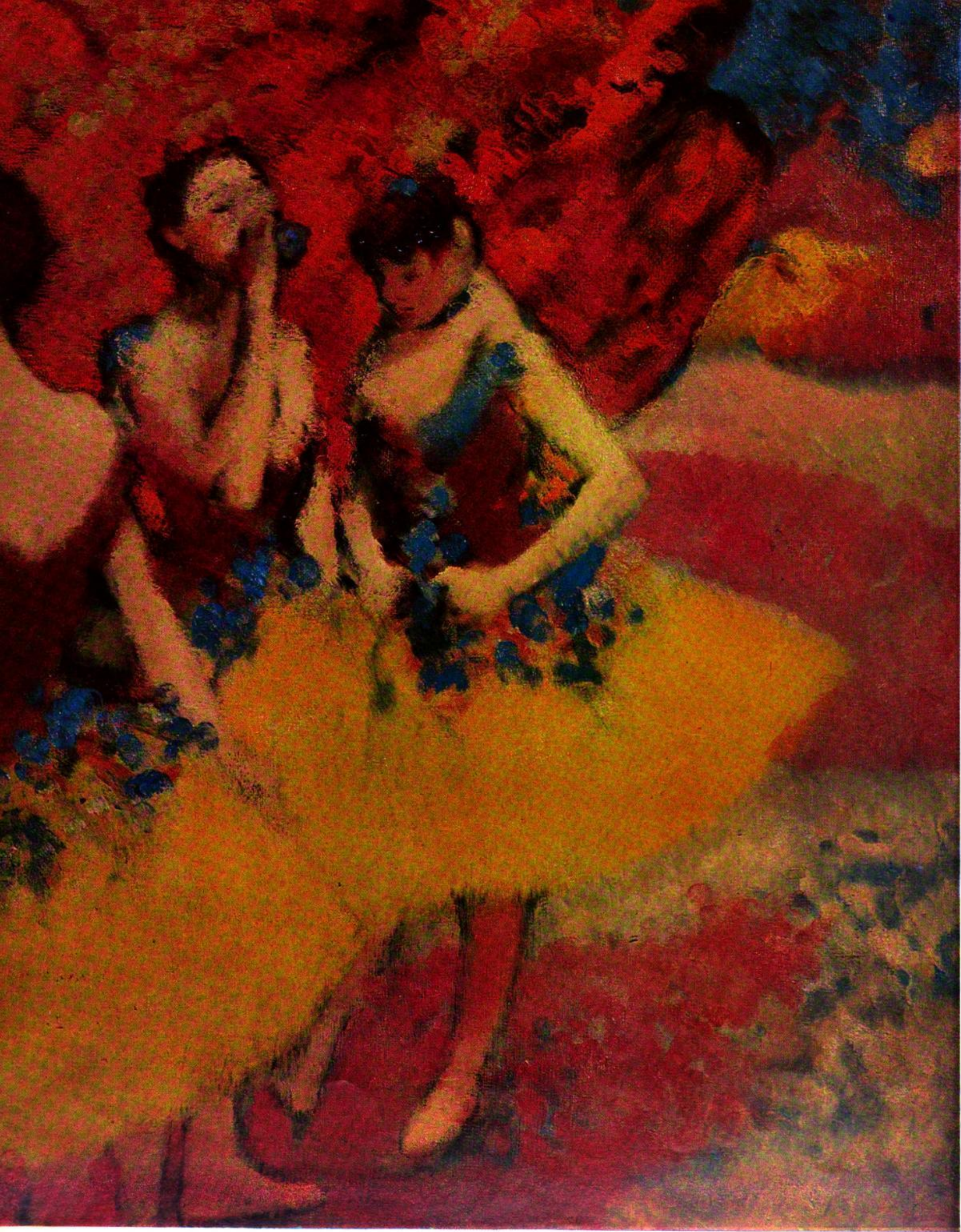
Бессменно стоял Александр Васильевич Александров за дирижерским пультом Краснознаменного ансамбля, детища своего. Он не мыслил себе жизни без постоянного творчества, без отдачи его людям... Умер А. В. Александров в одной из концертных поездок. Незадолго до смерти он писал: «Сколько пережито и какой пройден путь от того времени, когда я был мальчиком в лаптях, до настоящего момента. Много было хорошего и плохого. А жизнь была сплошной борьбой, полная труда, забот, трудностей. Но я не сетую ни на что. Я благодарю судьбу...»

Борис ПРИМЕРОВ

Рембрандт. 1606—1669. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ ИЗ СЕМЬИ РАМАН. 1634.

Собрание А. Хаммера.

Эдгар Дега. 1834—1917. ТРИ ТАНЦОВЩИЦЫ В ЖЕЛТОМ.

Собрание А. Хаммера.

ПИКАССО

Скончался Пабло Пикассо... Едва ли найдется в искусстве XX века имя столь популярное, столь превозносимое и столь отрицаемое.

В первый год нового, XX века приезжает в Париж молодой андалузец из славного испанского города Малаги. Это Пабло Пикассо, ему девятнадцать лет. Но, несмотря на возраст, он с первых своих шагов в живописи привлекает к себе внимание. Почти три четверти века прошло с тех пор; это были семьдесят с лишним лет неуемной яростной работы, труда пламенного, неудержимого...

«Я не мог бы жить, не отдавая искусству все свое время. Я люблю его, как единственную цель всей своей жизни. Все, что я делаю в связи с искусством, доставляет мне величайшую радость».

Эти слова мастера — святая правда. Можно очень любить или совсем не любить творчество этого замечательного художника. Но нельзя не склониться перед подвигом его жизни, жизни, отданной до конца, без отказа искусству.

«Кем, вы думаете, является художник? — писал Пикассо во французской газете 24 марта 1945 года. — Не глуп ли художник, если он имеет только глаза, или музыкант, если он имеет только уши?.. Художник — это одновременно и политическое существо, постоянно живущее потрясениями, страшными или радостными, на которые он всякий раз должен давать ответ. Как можно не чувствовать интереса к другим людям и считать своим достоинством железное безразличие, отделение себя от жизни, которая так многообразно предстает перед нами? Нет, живопись делается не для украшения жилища. Она инструмент войны для атаки и победы над врагом!»

И нам очень дорог Пикассо — коммунист, художник-гражданин, публицист, выразивший весь свой гнев, всю свою ненависть к войне, мраку, фашизму в гигантской картине «Герника» — этом грандиозном обвинительном акте всем черным силам земли. Пикассо бесконечно близок нам как выдающийся борец за мир, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», создавший и пустивший в бессмертный полет своего «Голубя мира», вмиг облетающего земной шар, так полюбившегося всем добрым людям планеты.

Каков Пикассо? Знатоки давно расчленили его творчество на множество периодов — розовые, голубые, кубистические, классические, энтропические, помпейские и

прочая и прочая. А мне сразу почему-то хочется вспомнить слова нашего замечательного поэта Маяковского, побывавшего у него в 1922 году.

«Первая мастерская, в которую нужно пойти в Париже, это, конечно, мастерская Пикассо. Это самый большой живописец и по своему размаху и по значению, которое он имеет в мировой живописи. Самыми различными вещами полна его мастерская, начиная от реальной сценки голубоватой с розовым, совсем древнего античного стиля, кончая конструкцией жести и проволоки. Посмотрите иллюстрации: девочка совсем сероватая. Портрет женщины грубо-реалистичный и старая разложенная скрипка. И все эти вещи помечены одним годом».

Пикассо сложен. Сложен, как век, в котором он творил. Но у меня в памяти навсегда осталась встреча с ним, которая состоялась в середине пятидесятых годов в Париже. Это была встреча с большим другом Советского Союза, художником-коммунистом Франции, который с полным правом сказал: «Коммунизм для меня тесно связан со всей моей жизнью как художника...»

Небольшая мастерская... Сотни листов бумаги, подрамники, холсты, керамика... Лаборатория мастера. Мы, нарушая все регламенты, говорили уже оноло часа. Спорили... Я сказал, что мне очень понравилась его скульптура «Пастух».

— Мне хочется под занавес показать вам рисунки, — произнес Пикассо.

И... через миг я увидел десятки виртуозных рисунков, сделавших бы честь самому Энгру. Я не стал скрывать своего восхищения и, прощаясь с мастером, сказал, что мы, советские художники, высоко ценим талант и мужественное сердце Пикассо — гражданина, коммуниста, выдающегося борца за мир. И что где-то в глубине души мы верим, что еще увидим не одно большое полотно мастера, рассказывающее людям о его восхищении жизнью, миром, дружбой...

— Ваши замечательные рисунки, — сказал я ему, — служат для меня верным залогом исполнения этой нашей мечты.

Пабло Пикассо крепко, крепко обнял меня на прощанье.

Таким я запомнил его на всю жизнь.

Николай ТОМСКИЙ,

Халижан БЕКХОЖИН

ПЕСНЬ, КАК ПАМЯТЬ...

ХОЧУ ОБНЯТЬ

Хочу я жажду всех цветов,
Всех рощ умерить,
В людей с глазами добряков
Хочу поверить.

Хочу добавить я волны
К реке бескрайней,
Хочу услышать глубины
Седые тайны.

Хочу чинарою стоять
Над крутизною
И близнецом хочу я стать —
Кто чист душою.

Хочу ступить ногой на даль —
Над звездным бегом;
Любимую свою, как встарь,
Обсыпать снегом...

Хочу на засуху степей
Дождем пролиться,
Хочу в раскосинке твоей
Вновь повториться...

РАЗГОВОР С ИРТЫШОМ

Дорогой мой Иртыш,
Дай к груди твоей крепко прильнуть,
Почему ты молчишь,
Ведь к тебе я пришел, не забудь.

Ты — мой челн,
Я — весло,
Люб мне холод текучей струи.
Столько лет протекло,
Как покинул объятья твои!

Я подобен, пойми,
Сединой твоей белой волне.
Ты меня обними,
Чтобы прошлое вспомнилось мне.

Вздыбив волны свои,
Словно на аргамеке, качал,
Я же — в холод струи
Тела жар своего отдавал.

Мой Иртыш дорогой,
Я — твой сын, твоя песня и грусть.
Волн ритм тугой —
Повторяю в стихах наизусть.
Я понять не могу,
Почему же волнуешься ты.
— Торопливо бегу
Сквозь леса, сквозь Алтая хребты.

К Бухтарли повернул,
Поседев на текучей тропе.
Я несу, словно мул,
Все потоки с вершин на себе.

Потому и Нуру
Тороплюсь я волною обнять,
Чтоб в степи поутру
Золотилась пшеничная гладь.

Жду — когда же канал
Через степи мои проведут,
Чтобы я подымал
Зеленя и подсолнухи тут.

Ты как прежде пиши,
Чтобы строки, как волны, легли,
Ты бушуй! Ты спешь —
Твой причал, мой сынок, не вдали...

Что ж недвижно стою —
Мне Иртыш свое сердце открыл...
Вздрыгнул я — и в струю
Белопенную тихо вступил.

НА РАССВЕТЕ СВИЩЕТ СЕРЫЙ СОЛОВЕЙ

«Булбул не запоем, кроме как в
Гулистане».

Навои.

На рассвете, в ранней рани средь ветвей
Свищет серый,
Самый громкий соловей.
Изливает тишине печаль свою —
Розы нежной не хватает соловью,
Розы нежной и густой,
Как снегопад.
Увядает без нее осенний сад.

Лишь весна по тихой зелени пришла —
В ожидании песни
Роза расцвела.
Песню счастья
Пел ей серый соловей,
Чтоб стояла снега раннего белей,
Чтоб светила для него, как ясный день,
Чтобы песню повторяла листьев звень.

Белой розы в листопады не зови.
Спел всю песню,
Соловей спел о любви.
Пусть по осени кружится листопад —
Песнь, как память, возвращается назад.

Возвращает эту песню соловей
Белой розе, белой умершей своей.
Разве может тронуть душу соловью
Желтый шелест,
Что бежит по кураю?

О Зандхан! Взрасти цветы в моем саду.
Я к тебе вот этой песней припаду.
Обнови ты песнь и душу соловья,
Пусть же крыльями
Взмахнет душа моя.

Перевел с казахского
Владимир ЦЫБИН.

...И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

С. Есенин.

С

тарый домишко, обреченный на слом и покинутый жильцами, внимания прохожих не привлекал. Только около одного окошка переговаривались два паренька:

— Смотри, смотри, зашевелился!

— И другой вроде тоже дергается!..

Прохожий мужчина чуть замедлил шаг и добродушно спросил:

— Чем это вы, наблюдатели, занимаетесь?

Ребята как по команде метнулись за угол дома. Мужчина подошел к окну вплотную и остолбенел. Между двойными застекленными рамами, судорожно дыша, корчились два котенка. Форточка была забита гвоздями и наспех законопачена бумагой.

Энергичный рывок, гвоздь выскочил, и маленькие четвероногие уже попискивают на руках у мужчины.

— Зачем же вы так, хлопцы? — тихо спросил он у ребят, высунувших свои рожицы из-за угла.

— Мы поспорили, сколько котят протянут без воздуха, — хмуро пояснил один.

ваться к разговору кое-кого из окружающих: — Этот седой болван опять свою бульдожку прогуливает...

— Развели кобелей!

— А я видела на бульваре: какая-то дура с петухом сидела... Погибели на них нет!

И падают в маленькую душу, которая, как губка, впитывает все, ядовитые капли такого, с позволения сказать, «общественного мнения».

Но вот начались школьные годы. Учительница (это хоть и редко, но бывает) диктует:

— «Не играй-те с животными...»

Потом в кружке натуралистов под руководством педагога наш подрастающий герой живьем накалывает на булавки жуков, бабочек, стрекоз.

И этого может быть вполне достаточно, чтобы произвести в душе непоправимый сдвиг.

Парень уже с интересом наблюдает, как во дворе тетя Даша рубит голову курице, принесенной с рынка. Он радостно встречает собаководов, приехавших на отлов бродячих псов, и даже предлагает свои услуги. Он, пряча веревочную петлю за спиной, подсвистывая и причмокивая на все лады, подманивает доверчивого друга.

Не исключено, что через некоторое время жильцы дома будут кричать во дворе:

— Мария Ивановна, ваш Миша кошку вешает!

На что может прозвучать в ответ:

— А вам какое дело?

Все это так называемые ручейки. А река?.. Был проведен опрос 135 человек, привлекавшихся за хулиганство, разбой, изнасилование и другие подобные «художества». Из них 67 рецидивистов. Словом, все «лбы» на подбор, с наколками по всем частям тела: «Ни забуду мать родную» и «Нет в жизни щастя».

Результаты оказались разительными. Из этих 135 человек 118 истязали животных с детства — жгли, вешали, резали. Только 17 удерживались от этого родителями. Остальные находили полную поддержку в семье, когда вешали приبلудившуюся псину или топили ни в чем не повинного кота. Они-то и составили эти 118 из 135 «лбов».

Это уже не жук на булавке. Это страшен! Вот почему мы решили выяснить, как же вообще организована борьба с подобными «ге-

за хищение государственного имущества. Дело в том, что Борька стоил 78 рублей. А если бы он был списан с баланса?

С той поры прошло более семи лет. Много воды утекло даже из пруда, где жил Борька. Но случаи возбуждения уголовных дел за глумление над животными чрезвычайно редки. С августа 1967 года действует распоряжение Министерства внутренних дел о приравнивании жестокого обращения с животными к хулиганским действиям. Включая статью 206-ю Уголовного кодекса. Значит, карающая десница правосудия уже имела полную юридическую возможность по заслугам воздавать за подобные преступления.

Для полноты картины нам очень захотелось поговорить с каким-либо истязателем. Хотелось хоть в глаза заглянуть такому «герою».

Мы звонили в прокуратуры и райотделы МВД, в следственные управления и детские комнаты милиции. Увы, все ответы походили один на другой: «нет», «не заводили», «не помню», «со времени дела о Борьке как-то не встречалось».

Исключение составил ответ работника одной из детских комнат:

— Что-то затевалось с кошками. Но это было давно.

И тяжело было услышать слова знакомого прокурора:

— К сожалению, заводят у нас дела о жестокости только в том случае, когда это связано с безопасностью людей.

И как бы в подтверждение его слов прозвучал ответ прокурора другого района:

— Было такое дело. Недавно разбиралось в суде. Сначала стреляли птичек, а потом подстрелили двух девочек. Я сейчас вам телефон судьи дам.

— Жестокость к живому миру? — удивилась судья. — Это какая-то ошибка. Не было у меня такого дела... Ах, потом они ранили девочек? Да, да, осудили за это всех четверых.

Вот так. Синички и воробы — это ведь не Борька стоимостью в 78 рублей!

«Значит, так и не нашли случая, чтобы покарать за жестокость?!» — может усомниться читатель.

Нет, все-таки нашли! Вот коротко суть дела.

В городе Пушкине, Московской области, на Московском проспекте, в доме № 58, проживал некий В. И. Бубыкин. Работал он в том же доме истопником. Хобби Валентина Ивановича

В ЗАЩИТУ БРАТЬЕВ

— Животные разносят заразу, их уничтожать надо, — безапелляционно изрек другой. — Но ведь они живые! — пытается их образумить прохожий.

— Хм! — презрительно фыркнули его эрудированные собеседники и, демонстративно повернувшись, вразвалку зашагали по улице.

Это произошло... Да не особенно важно, где это произошло. Важен сам факт бессмысленного губительства живого. Каким образом, почему у некоторых детишек (да и у тех, кто уже вырос) развивается такая жестокость?

Как известно, река начинается с ручейка. Попробуем разыскать этот ручеек.

Маленький, добрый человек, только что начавший ходить, любит весь мир. Он тянется ко всему живому. Ах, какая замечательная кошка!.. Но тут же раздается голос мамы (бабушки, тети или домработницы, если таковую сумели найти):

— Киска заразная, не трогай!

Ребенок подрастает. Он уже может таскать животных на руках, но снова слышит окрик:

— Зачем берешь щенка? У тебя будут глисты! Брось сейчас же эту гадость!

Затем малыш начинает во дворе прислуши-

роямии и юного и более зрелого возраста.

Первая беседа состоялась у нас с криминалистами.

— С губителями животных борьба идет очень серьезная, — твердо заявляли они в один голос. — Вспомните хотя бы дело об убийстве Борьки!

Вкратце напомним суть этого сенсационного по своей подлости преступления. В Москве на одном из прудов жил добрый, доверчивый лебедь Борька. Его хорошо знали гуляющие. Лебедь был ласковый и веселый. Брал из рук пищу.

В 23 часа 4 июля 1965 года два великовозрастных шалопаи и две их подружки подманили птицу и деловито свернули ей шею. Ночью состоялся, по выражению самих подонков, «королевский ужин» с коньяком и шампанским и «лебединой закуской».

Почти все центральные газеты описывали процесс. Люди негодовали. Приговор был суровый, по заслугам. Трех подсудимых взяли под стражу.

А теперь мы раскроем небольшой профессиональный секрет. Судьи смогли вынести такой приговор только потому, что в деле была еще и статья Уголовного кодекса, карающая

за хищение государственного имущества. Дело в том, что Борька стоил 78 рублей. А если бы он был списан с баланса?

С той поры прошло более семи лет. Много воды утекло даже из пруда, где жил Борька. Но случаи возбуждения уголовных дел за глумление над животными чрезвычайно редки.

С августа 1967 года действует распоряжение Министерства внутренних дел о приравнивании жестокого обращения с животными к хулиганским действиям. Включая статью 206-ю Уголовного кодекса. Значит, карающая десница правосудия уже имела полную юридическую возможность по заслугам воздавать за подобные преступления.

Для полноты картины нам очень захотелось поговорить с каким-либо истязателем. Хотелось хоть в глаза заглянуть такому «герою».

Мы звонили в прокуратуры и райотделы МВД, в следственные управления и детские комнаты милиции. Увы, все ответы походили один на другой: «нет», «не заводили», «не помню», «со времени дела о Борьке как-то не встречалось».

— Распоряжение от 1967 года? — невесело улыбается председатель секции К. А. Семенова. — Все разговоры о нем — сплошная фикция.

И Ксения Александровна рассказала историю, описывать которую приходится стиснув зубы.

В свое время ученик одной из московских школ Николай Хромин изощрялся в таких «проделках»: ловил котенка, вытаскивал из кармана бритву...

Ну, есть некоторые вещи, про которые и рука не поворачивается писать. Но дело не в описании зверств великовозрастного садиста. Самое тяжкое в этом деле то, что он силком, с помощью своих приятелей, сгонял к себе малышей и заставлял их смотреть на «эвизию».

С котят Хромин перешел на ребятшек. Сажал их на раскаленные calorиферы парового отопления и держал, пока те еще могли кричать от боли. Одного малыша с ожогами отправили в больницу.

— Осудили его или родителей?

— Нет, — вздыхает Ксения Александровна.

— Что же надо сделать? — задаем мы кардинальный вопрос.

— В Российской Федерации должен быть введен закон об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. Получилось очень странное положение: ряд союзных республик этот закон принял, а РСФСР, Украина и Белоруссия — еще нет. Что задерживает? К нам приходят письма с просьбой ускорить принятие такого указа.

Семенова абсолютно права. И ведь обращаются с таким требованием не сюсюкающие, слабонервные дамы или христоблюбивые старушки, где надо и где не надо кормящие голубей. Нет!

«...В годы войны я была на фронте медсестрой, — пишет из Пензы Е. Комягина. — Много видела смертей и все же не могу привыкнуть к злодейству над животными и гибели пусть безмолвных, но ведь живых существ... Я слышала по радио, что в Польше и в других социалистических странах существует закон об ответственности за убийство и мучительство животных... Нам он тоже необходим».

Среди других особое место занимает письмо из Харькова. Начинается оно фотографи-

Фото А. КЕНДЗЕРСКОГО.

НАШИХ МЕНЬШИХ

ей, описывать которую мы не будем. Но выдержки из письма привести стоит:

«Эту собаку сожгли живьем двое школьников на пустыре возле дома Союза художников (ул. Культуры, 20). Задумайтесь над тем, что будет дальше с мальчиками, которые совершили этот акт садизма... Отношение ребенка к животным и птицам чаще всего является отражением отношения к ним его родителей, старших братьев, сестер, учителей и просто случайных людей... Лучшие люди нашего отечества любили животных... М. Горький писал, что люди, которые не любят животных, вызывают у него сомнение; им доверять нельзя... Если ребенок играет со щенком, а потом относит этого «друга» и сдает в утиль за 30—60 копеек, то позже он может совершить любое предательство...»

ВВЕДЕНИЯ ЗАКОНА О ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МУЧИТЕЛЬСТВО И УБИЙСТВО ЖИВОТНЫХ ТРЕБУЕТ САМА ЖИЗНЬ!

Это письмо подписали рабочие и художники, студенты и ученые, врачи и артисты. Всего 53 подписи.

Перед нами обращение в секцию охраны животных: «Поддерживаем ходатайство сек-

ции о введении закона, предусматривающего уголовную ответственность за мучительство и бессмысленное убийство животных». Подписали его народные артисты Союза ССР И. С. Козловский, Г. С. Уланова, А. Н. Грибов... Такое же обращение скрепили своими подписями ученые-профессора И. И. Ермолаев, В. К. Патрикеев...

Во Всероссийском обществе охраны природы мы видели проект указа. Он предусматривает как максимальное наказание для уже привлекавшихся и штрафованных (другими словами, для «рецидивистов-садистов») шесть месяцев исправительно-трудовых работ. Думается, что такая гуманность ничем не оправдана. Слишком глубоко укоренилось зло, чтобы его вырвать полумерами. Стоит ли занижать для преступников меру ответственности?

Разумеется, не в одном указе дело. Ведь еще в 1960 году был принят закон «Об охране природы в РСФСР». Есть там статья 18, где говорится: «...Включить преподавание основ охраны природы в школьные программы... Ввести обязательные курсы охраны природы и воспроизводства ее ресурсов в высших и специальных средних учебных заведениях с уче-

том их профиля». Выполнено это? Увы, кое-где и кое-как!

Почему на уроках труда школьникам вместо надоевших табуреток не делать кормушки для птиц? С каким бы удовольствием ребята сами приспособляли их на деревьях и под окнами! Глядишь, и птичек прикармливать бы стали. Вот он, душевный сдвиг, но уже в другую сторону.

Где плакаты, призывающие беречь природу? Почему в школах не висят плакаты, в которых говорилось бы ребятам, что пара воробьев уничтожает в день до 400 вредных насекомых? Был бы маленький, но тоже сдвиг.

Хорошая, умная лекция о животных, проведенная в школе, в пионерлагере, — сдвиг. Лишняя передача по телевидению — сдвиг. Лишняя в газете «информация с улыбкой» о добрых делах взрослых и детишек, спасших от гибели зверюшек, — сдвиг. И в результате совсем иные ручейки побегут, совсем другие реки потекут!

Но таких, как Бубыкин из города Пушкина, душевными беседами не проймешь.

Да, здесь все написано в защиту животных — это верно. Но конечная цель — защита Человека.

Концерт ведет заслуженный артист РСФСР Борис Брунов.

Празднично прошел в Колонном зале Дома союзов концерт, посвященный юбилею «Огонька». Редакция журнала сердечно благодарит артистов театра, эстрады и цирка, принимавших участие в концерте, а также работников Москонцерта М. Ф. Назарову и В. К. Леонидова, которые организовали эту интересную программу.

На сцене — народная артистка СССР Людмила Зыкина.

Веселые пародии в исполнении Геннадия Хазанова.

Молодой балет Большого театра: Людмила Семеняка и Александр Богатырев.

Самодельный хореографический ансамбль «Школьные годы».

Вечер открыла народная артистка РСФСР Валентина Левко.

Артисты театра «Ромэн»: Валентина Вишневская в сопровождении группы гитаристов.

Куклам заслуженных артистов РСФСР Натальи Степановой и Игоря Дивова всегда аплодирует публика.

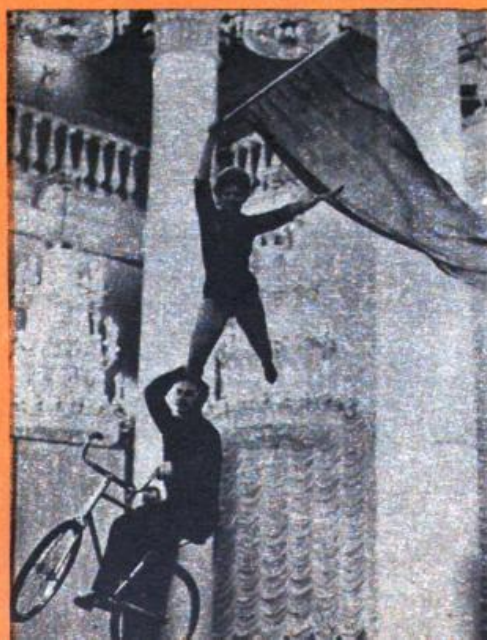

Наши гости из Белоруссии — «Песняры».

Играет Владимир Фельцман.

Сатирические куплеты — заслуженный артист РСФСР Бен Бенцианов.

Дуэт из «Сильвы» исполняют артисты оперетты Тамара Лагунова и Герард Васильев.

Головокружительный номер велофигуристов Лидии и Владимира Васильевых.

Баянист Игорь Зотов.

ЮНОСТЬ

«ДИНАМО»

Исполнилось 50 лет одному из старейших и популярнейших спортивных обществ нашей страны — «Динамо». Мы попросили председателя Центрального совета Всесоюзного физкультурно-спортивного ордена Ленина общества «Динамо» заслуженного мастера спорта СССР А. А. Куприянова вспомнить о тех днях, когда зарождалось «Динамо», и рассказать читателям «Огонька» о той роли, которую сегодня играют динамовцы в физкультурной жизни страны.

В конце 1922 года Феликс Эдмундович Дзержинский, выступая на одном из собраний и говоря об особенностях сложившейся в то время обстановки, поставил перед чекистами важную задачу — улучшить их физическую и стрелковую подготовку. Он говорил, что чекисты призваны вместе со всем советским народом отстаивать великие завоевания Октября и что физическая подготовка должна занять важное место в их работе. И вот, решая эту задачу, начала работать группа военнотружеников ГПУ Московского округа, готовя проект организации спортивного общества.

Один из членов инициативной группы, Леонид Владимирович Недоля-Гончаренко, бывший рабочий московского завода «Динамо», предложил назвать наше общество словом, выражающим силу, энергию, неутомимость, — «Динамо». Впоследствии Алексей Максимович Горький, которого мы избрали почетным динамовцем, прекрасно сформулировал идею, заложенную в названии нашего общества. Он писал: «Греческое слово «дина» значит сила, «динамика» — движение, а «динамит» — взрывчатое вещество. «Динамо» — это сила в движении, призванная взорвать и разрушить в прах и пыль все старое, гнилое, все, что затрудняет рост нового, разумного, чистого и светлого — рост пролетарской социалистической культуры».

18 апреля 1923 года состоялось учредительное собрание, и первое спортивное общество Советской страны стало частью пролетарской социалистической культуры, одним из ведущих центров развития спорта и физической культуры в нашей стране.

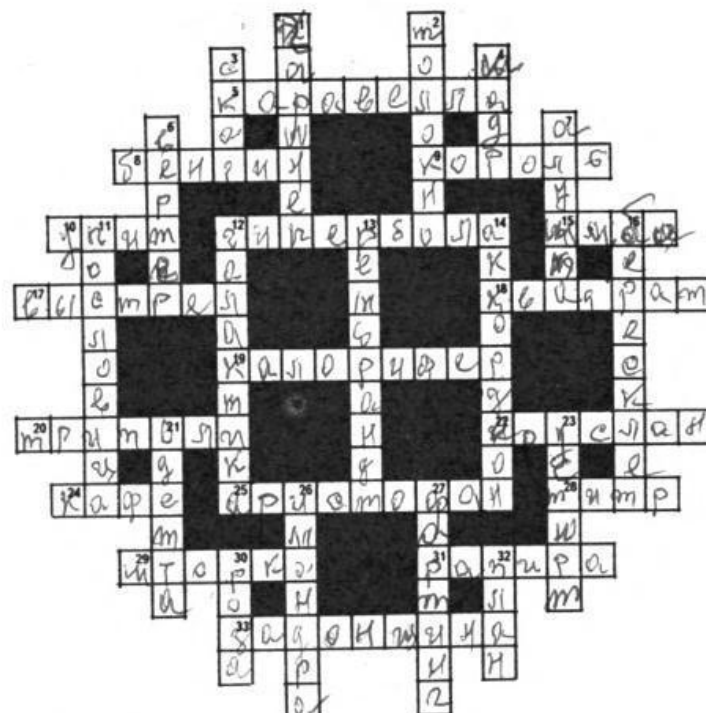
Все эти годы члены спортивного общества «Динамо», почетным председателем которого в свое время был избран Ф. Э. Дзержинский, идут в авангарде спортивного движения СССР. Нет, пожалуй, такого вида спорта, который не культивировался бы динамовцами. Особенно широкое развитие в рядах «Динамо» получила гимнастика, не случайно олимпийские чемпионы Людмила Турищева, Тамара Лазаревич, Михаил Воронин — динамовцы. Славились наше общество легкоатлетами, лыжниками, биатлонистами.

Наши стрелки и борцы, боксеры и самбисты, современные пятиборцы и фехтовальщики, фигуристы и футболисты, хоккеисты и волейболисты с успехом выступают в крупнейших соревнованиях.

Достаточно напомнить роль динамовцев хотя бы на двух последних летних Олимпиадах. В Мексике советский спорт представляли 322 человека, в их числе было 73 динамовца, завоевавших 46 медалей, в том числе 16 золотых. На XX Олимпийских играх в Мюнхене динамовцы получили 55 олимпийских наград, в том числе 28 золотых. Велика роль лыжников-динамовцев в победе на зимних Олимпийских играх в Саппоро, где прославили на весь мир советский спорт такие замечательные гонимые, как Вячеслав Веденин и Федор Симашев, Александр Тихонов. Футболисты-динамовцы открыли счет международным побед советского спорта еще в 1945 году, совершив свое легендарное турне по Британским островам. До 1972 года динамовцы провели 188 матчей с командами сильнейших зарубежных клубов 45 стран. Их боевой счет таков: 114 выиграных, 516 голов.

Динамовцы-спортсмены считают своей первейшей обязанностью добиваться массового развития спорта в нашей стране. Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1966 года «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта», они неустанно растят все новые спортивные поколения. Достаточно напомнить, что в «Юном динамовце» работают 46 специализированных школ, в которых занимаются 12 тысяч человек. На V Спартакиаде народов СССР команда «Динамо» заняла первое место среди добровольных спортивных обществ и ведомств.

Велика роль «Динамо» в популяризации нового комплекса ГТО. Большой и славный путь прошли за полвека динамовцы. В нашем авангарде сейчас стоит славная армия ветеранов, чьи имена известны всей стране. Все новые и новые поколения замечательных спортсменов приходят на смену тем, кто с блеском выступал на самых высоких аренах. «Динамо» по-прежнему в движении, «Динамо» по-прежнему сила. «Динамо» — вечная юность.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Старинное судно. 8. Моторное топливо. 9. Шахматная фигура. 10. Народный писатель Латвийской ССР. 12. Намеренное преувеличение. 16. Верхняя одежда. 17. Повесть А. С. Пушкина. 18. Равносторонний прямоугольник. 19. Прибор для нагревания воздуха. 20. Город в Ливии. 22. Приток Волги. 24. Предприятие общественного питания. 26. Древнегреческий комедиограф. 28. Надпись в кинофильме. 29. Деталь затвора фотоаппарата. 31. Оружие для фехтования. 32. Памятник древнерусской литературы XIV века.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Птица отряда куликов. 2. Овсяная мука. 3. Жанр народного поэтического творчества. 4. Советский скульптор. 6. Опера Ж. Массне. 7. Курорт в Крыму. 11. Меткое народное изречение. 13. Звездная система. 15. Голландский живописец и график XVII века. 17. Музыкальный инструмент. 18. Вечнозеленое растение. 21. Действующее лицо балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 23. Пустынное плато между Аральским и Каспийским морями. 26. Озеро на Кольском полуострове. 27. Английская разменная монета. 30. Цветок. 32. Чертеж местности, сооружения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Рагозин. 6. Существительное. 9. Десна. 11. Пегас. 13. Осока. 15. Трактор. 16. Колизей. 17. Кириллица. 20. Оникс. 22. Карась. 23. Кулиса. 24. Пуловер. 26. «Родина». 27. Пинцет. 28. Рекогносцировка. 29. Пименов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бартоло. 2. Визерта. 3. Брусника. 5. Сложение. 7. Рефрижератор. 8. Балетмейстер. 10. Горелки. 12. Морковь. 14. Можайск. 18. Гравиметр. 19. Зелинский. 20. Одуванчик. 21. Свешников. 25. «Одиссея».

На первой странице обложки: Луноход-2.
Рисунок А. Соколова.

На последней странице обложки: Алеша Филатов — внучатый племянник Юрия Гагарина.
Фото Л. Шерстеникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

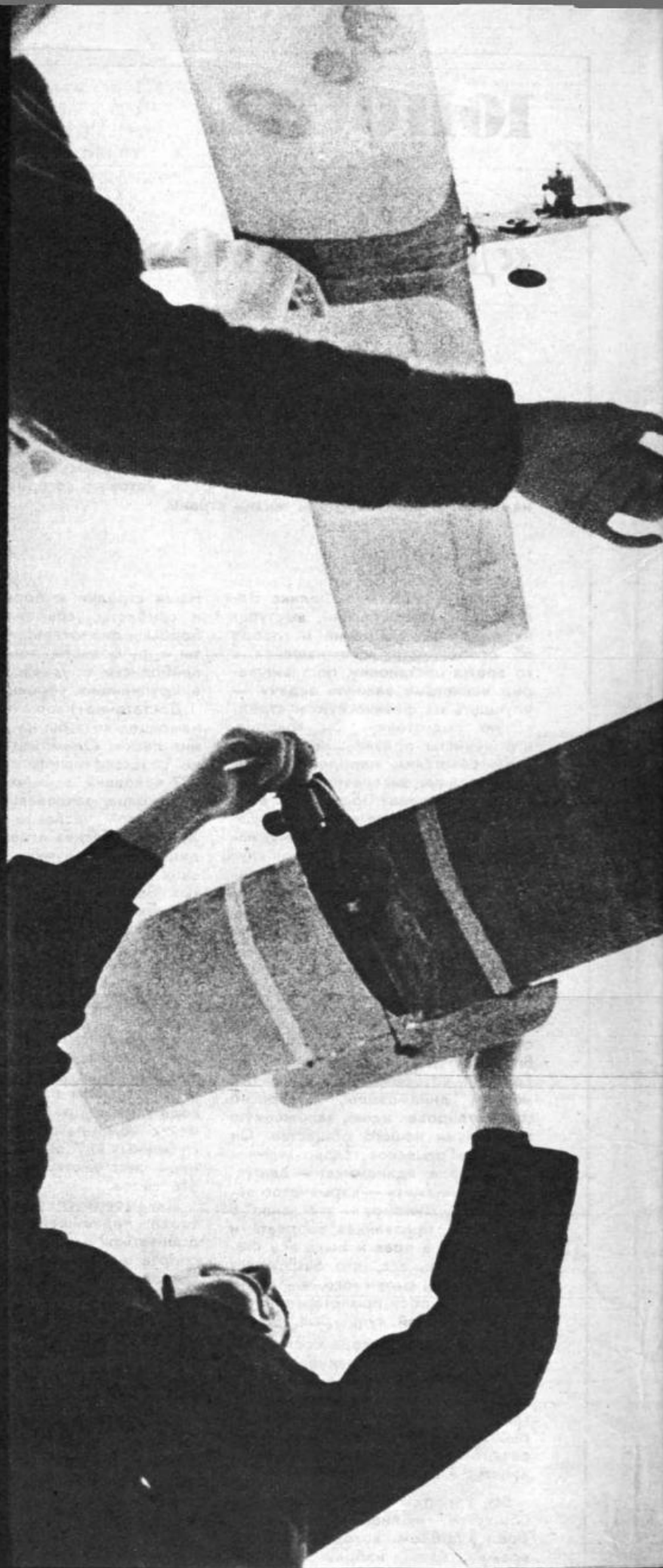
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патристический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-38-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/III-73 г. А 00051. Подп. к печ. 10/IV-73 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 709. Тираж 2 165 000 экз. Заказ № 407.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Звездный костюм Юрия...

Лев
ШЕРСТЕННИКОВ,
фото автора

ТЕЗ

Им летать, им прокладывать новые трассы.

КИ ГАГАРИНА

...Весна в небольшом городе всегда чувствуется острее. Гомонят в посиневшем воздухе стаи птиц. Чернеют на снегу глубокие дорожные колеи. Мальчишки, сбросив пальто по случаю первого теплого дня, суматошно носятся по лужам, сшибают тяжелые сосульки с карнизов и тянут льдинки в рот. Народ отчаянный! Вот уж матери всыплют, если увидят...

Такая же была весна и тогда, двенадцать лет назад. Так же светило солнце над Москвой, над Гжатском, за Волгой. И не было человека, который бы не замирал от радости, слыша по радио торжественный голос Левитана: «Полет корабля-спутника «Восток» с пилотом-космонавтом на борту товарищем Гагариным продолжается...»

Мальчишкам и девчонкам из 5-б — отряда имени Гагарина — той школы, где учился Юрий, тогда, в дни полета, было всего несколько месяцев. А теперь эти ребята, многие из которых тезки космонавта, притихшие, сидят за партами. Сегодняшняя тема внеклассного чтения — книга Валентина Гагарина «Мой брат Юрий».

Встают один за другим пятиклассники, рассказывают о прочитанном в книге. И ты видишь, как Юра, озорующий и серьезный, увлекающийся и веселый, замкнутый и чуткий — разный, — обретает характер, который еще задолго до полета сделал его Гагариным, человеком особого склада.

А потом ребята читают письма. Им много пишут. Пишут пионеры, чтоб просто познакомиться, чтоб узнать какие-нибудь подробности из жизни Юрия Алексеевича. Ребята из башкирского города Салавата собираются к ним в гости на каникулы. А гагаринцев приглашают к себе. Невелик бывший Гжатск. Тонюсенькой тетрадошки достаточно, чтоб перечислить всех абонентов АТС. За полчаса можно пройти из конца в конец весь город. Но притягивает он к себе сердца людей. Машинами, поездами, пешком прибывают они сюда, чтоб войти в небольшой домик, ставший ныне музеем космонавта.

А напротив, через дорогу, стоит еще дом. Дом, где живут родители Юрия Алексеевича. Сегодня здесь с утра люди. Сначала городское начальство забегало. Только откланялись, Зоя, дочка, идет со своей старшей, Тамарой. Когда Юра летал, Тамаре четырнадцать не было. А теперь за ней вон какой кособок катится — сын Алешка, Алексей Петрович. Пока старшие заняты салатами на кухне, Алешка совершает пешие экскурсии под стол. Рвется в комнату, где лежит удивительнейшая вещь — дедов скафандр. Да, да, дедов! Он, Лешка, внучатый племянник Юрия. Вчера этот скафандр Тамара — она директор в мемориальном музее Ю. А. Гагарина — принесла домой. Надо приготовить музей к летнему наплыву посетителей, кое-что подремонтировать, покрасить. Часть экспонатов на время — домой.

Нешадно цедит сигарету за сигаретой дед, а вернее, уже прадед, Алексей Иванович. С Алешкой играет. Больно

уж он им доволен — парень! А то все девчонки да девчонки. У Валентина, старшего (он сейчас в Рязань перебрался, мастером работает), — три дочки и ни одного сына. У младшего, Бориса, здесь он, шлифовщик на заводе «Электросвет», — одна-единственная дочь. Детей должно быть много, ими только и крепок дом. У Юрия Алексеевича девчата. Правда, он девочек и хотел. У Зои — Тамара. Но есть и сын, Юрий. Фамилию он материнскую взял — Гагарин. Молодой Юра Гагарин — офицер, служит в Смоленске. Не смог у деда погостить, прислал жену, Людмилу.

Чистая скатерть на столе. Борис с женой и дочерью подросли. Первый тост — за мать, за дочерей, внучек, невесток. Дед все порывается рассказать какую-то забавную историю, да Тимофеевна на него машет рукой, заговорилась, мол, совсем, отдохни-ка. Вот и поговори с такими. Алексей Иванович все-таки вставляет словечко:

— Сорок девять лет с ней живу. А вот уж скоро у нас с ней опять свадьба...

Опять Анна Тимофеевна машет руками — вот, мол, расплел истории. В октябре у старших — золотая свадьба. Я гляжу на эту еще нестарую, крепкую женщину с красивым русским лицом, вырастившую четверых детей, пережившую войны, голодные годы, бесчисленные тревоги за каждого из четверых, гляжу, не могу поверить, что ей уже скоро семьдесят. Все так же красивы и остры ее глаза. Все так же крепка поступь, жив и точен язык. Русская женщина, мать. Мать Юрия Гагарина. Потому и близка она всем нам. Ведь каждый из нас считает Юрия не просто человеком, совершившим подвиг, а очень родным, близким, каким может быть только брат.

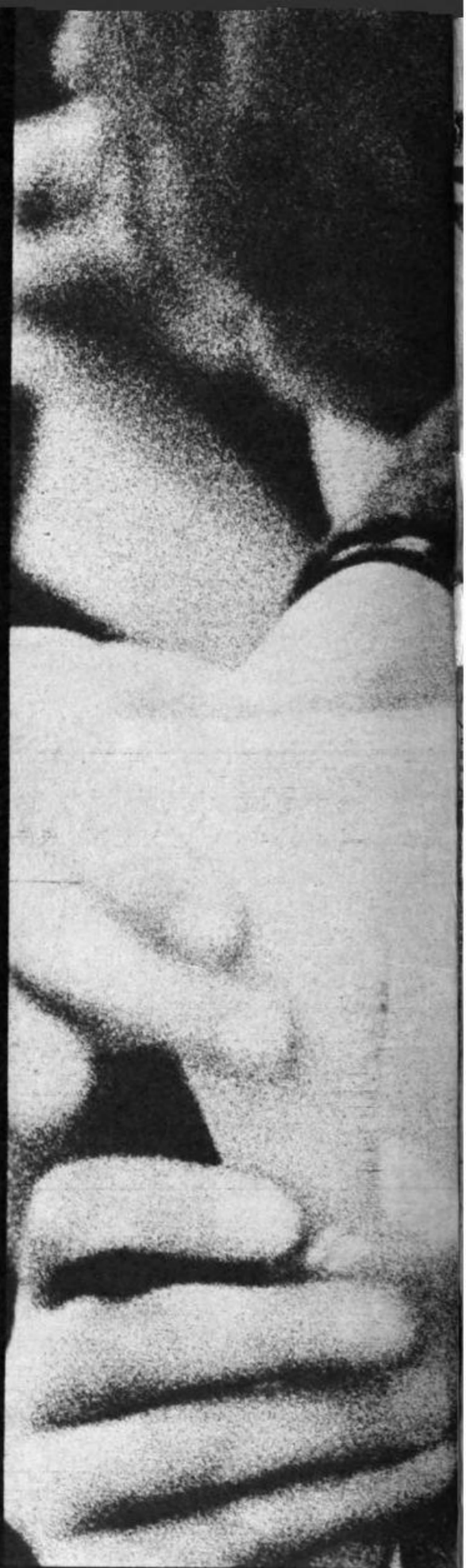
Я перевожу взгляд на Алексея Ивановича, на его крепкую фигуру, фигуру человека, проработавшего всю жизнь, на смуглое лицо и светлые, такие «гагаринские» глаза. Да, крепок гагаринский корень. Крепка такими людьми Россия.

— За НЕГО, — негромко говорит Зоя и наполняет стоящую в центре стола рюмку, — за светлую память его. Завтра бы Юре исполнилось тридцать девять...

Как пронзительно кричат грачи! Бегут за веснами весны. Одни поколения мальчишек будут сменяться другими, и будут они кидать друг в друга снежками да строить запруды поперек ручьев. Скольким вписать свои имена в просторы звездных трасс!.. Но он был первым: Юрка, Юра, Юрий Алексеевич Гагарин...

Я прощаюсь с хозяевами, обещаю выслать фотографии.

— Так ты адрес запомни, сынок, — говорит Алексей Иванович. — Он простой: город Гагарин, улица Гагарина, Гагариным...

Почти вся семья в сборе.

Автографы, автографы... Снимок 1964 года (публикуется впервые).

Этот дом знают не только в Гагарине. Сейчас в нем музей космонавта.

Книга о Юре.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

